

VISIT...

LANZAROTE
Caliente.COM

«Кое-что о немецких овчарках их дрессировке, о предвидении Лоренца и многом другом»

Введение

Лгуны и фанатики могут возражать сколько угодно, но упрямый факт остается фактом: немецкая овчарка в России стремительно теряет остатки, а лучше сказать – останки бывшего авторитета рабочей породы. Популярность ее с великим трудом поддерживается на плаву лишь «преданиями старины глубокой» и той беззастенчивой наглостью, с какой записные дельцы от собаководства всучивают неопытным людям всевозможных «внуков чемпионов мира» под видом истинных немецких овчарок.

Ну скажите, на чем основаны представления рядового гражданина, если угодно обывателя, об этой породе? На киногероях Мухтаре, Джульбарсе, если кто помнит – на польском Цивиле, еще на «полицейской собаке К-9» и прочих им подобных. В сознании его, как правило, есть ясный стереотип: немецкая овчарка – очень умная, смелая, преданная собака, способная прямо-таки к невероятным трюкам и кунштукам. И вот, лелея в груди благую мечту, а то и честолюбивые помыслы, человек покупает щенка самых-пресамых голубых «престижных» кровей. Старается соблюсти все, порою противоречивые рекомендации по его кормлению и воспитанию. И что в итоге вырастает из этого приобретения? В самом распространенном варианте: туповатое, трусоватое, продажное, ленивое и слабосильное существо, ничего, кроме проблем, своему хозяину не доставляющее. Разочарованный, тот готов махнуть рукой: дескать, я собаку держу для души. Можно подумать, что душа вроде выгребной ямы – предназначена для всякого рода отбросов, и человеку безразлично, с какой по характеру и уму собакой он каждый день общается.

Но на первой же выставке владелец вдруг узнает, что его овчарка далеко не самая худшая среди себе подобных. И ему, как спасательный круг, бросают мысль: если он займется со своей собакой дрессурой, то все его недовольства вскоре развеются, как дым. Доверчивый, он вновь окрылен надеждой на исправление отнюдь не благородных внутренних свойств сего домашнего животного, с готовностью принимает все пороки его характера – как ему объясняют – за следствие своих ошибок в процессе воспитания. Разве можно в такой ситуации считаться с затратами на дрессировку? Он и не считается.

Рано ли, поздно, худо ли, бедно, а вот уже собака обучена выполнять команды послушания и ее начинают дрессировать приемам защиты. И можно почесть за

А. Власенко

**«Кое-что о немецких
овчарках их
дрессировке, о
предвидении Лоренца и
многом другом»**

Введение

Лгуны и фанатики могут
возражать сколько угодно, но
упрямый факт остается фактом:
немецкая овчарка в России

стремительно теряет остатки, а лучше сказать — останки бывшего авторитета рабочей породы. Популярность ее с великим трудом поддерживается на плаву лишь «преданиями старины глубокой» и той беззастенчивой наглостью, с какой записные дельцы от собаководства всучивают неопытным людям всевозможных «внуков чемпионов мира» под видом истинных немецких овчарок.

Ну скажите, на чем основаны представления рядового гражданина, если угодно обывателя, об этой породе? На киногероях Мухтаре, Джульбарсе, если кто помнит — на

польском Цивиле, еще на «полицейской собаке К-9» и прочих им подобных. В сознании его, как правило, есть ясный стереотип: немецкая овчарка — очень умная, смелая, преданная собака, способная прямо-таки к невероятным трюкам и кунштюкам. И вот, лелея в груди благую мечту, а то и честолюбивые помыслы, человек покупает щенка самых-пресамых голубых «престижных» кровей. Старается соблюсти все, порою противоречивые рекомендации по его кормлению и воспитанию. И что в итоге вырастает из этого приобретения? В самом

распространенном варианте: туповатое, трусоватое, продажное, ленивое и слабосильное существо, ничего, кроме проблем, своему хозяину не доставляющее. Разочарованный, тот готов махнуть рукой: дескать, я собаку держу для души. Можно подумать, что душа вроде выгребной ямы — предназначена для всякого рода отбросов, и человеку безразлично, с какой по характеру и уму собакой он каждый день общается.

Но на первой же выставке владелец вдруг узнает, что его овчарка далеко не самая худшая среди себе подобных. И ему, как

спасательный круг, бросают мысль: если он займется со своей собакой дрессурою, то все его недовольства вскоре развеются, как дым. Доверчивый, он вновь окрылен надеждой на исправление отнюдь не благородных внутренних свойств сего домашнего животного, с готовностью принимает все пороки его характера — как ему объясняют — за следствие своих ошибок в процессе воспитания. Разве можно в такой ситуации считаться с затратами на дрессировку? Он и не считается.

Рано ли, поздно, худо ли, бедно, а вот уже собака обучена выполнять команды послушания и ее начинают

дрессировать приемам защиты. И можно почесть за счастье, если тут не рухнут последние бастионы воздушных замков. Ведь девять из десяти этих овчарок, обученных «работе» по фигуранту, облаченному в защитное снаряжение, вообще не в состоянии хоть как-то защитить своего хозяина в случае реальной для него опасности. А из тех, что оказываются все же способными на это, такой же процент близко не стоит по своим защитным (да и многим прочим!) качествам к настоящим служебным собакам, тем, что олицетворяют собой идеал породы (скажем, к тем же

карацупинским индусам). Но если хозяину не с кем сравнить свою собаку, нет перед глазами достойного примера, то он вполне может поверить, будто все овчарки таковы, как его собственная, и тогда сочтет все, что ему известно из кино и книжек про действительно рабочих собак, баснями для детей младшего школьного возраста. Жаль, если поверит.

Коли не окажется собака «отличной» по экстерьеру и минует ее хозяина выставочный угар, то до конца растают иллюзии и надежды, и вряд ли когда-нибудь опять человек этот заведет себе овчарку. Да и

друзьям своим отсоветует. Вот вам, кстати, траектория падения популярности породы! Но еще хуже, если собака попадет в разряд «перспективных», станет использоваться в разведении, а хозяин с чистой совестью будет плодить ее потомков, считая их нормальными немецкими овчарками. И попадут они к десяткам людей, и все описанное выше повторится десятки раз.

Но может статься, инструктор-дрессировщик прямо объяснит удрученному собаководладельцу, что раз он покупал не абы какого щенка овчарки, а от выставочных

родителей, стало быть, выставочную собаку, то надеяться на что-либо хорошее по части поведения тут особенно не приходится, что многие из заводчиков выставочных немецких овчарок держат для охраны себя (семьи, квартиры) и этих, «якобы овчарок», совсем иных собак. Тогда, может, дойдет до него, в чем он действительно просчитался.

А просчитался он вот в чем. Желая приобрести овчарку своей мечты, он купил щенка по сути другой породы.

За таким частным случаем видятся проблемы совершенно иного

порядка. Здесь можно вести речь о порочности существующей системы культурного собаководства вообще, и даже не только об этом. Но ограничимся пока нашей темой — немецкой овчаркой и тем, что с ней происходит.

ЧАСТЬ I

Немецкая овчарка в Германии. История борьбы с модой

Немецкая овчарка как культурная, заводская порода существует менее ста лет. Но не следует ограничивать ее историю этими ста годами. Ничуть не умаляя выдающихся заслуг М.ф.Штефаница и А. Мейера, стандартизовавших эту породу в 1899 г. и, без преувеличения, открывших ее миру, справедливо будет сказать, что истинными создателями немецкой овчарки были безвестные пастухи и крестьяне Германии, на протяжении нескольких веков до того отбиравшие, а стало быть, и оставлявшие для разведения, только самых подходящих для работы собак.

Селекция была беспощадной, ведь трудные условия жизни в средневековой деревне делали непозволительной роскошью содержание собаки-нахлебницы, не оправдывавшей затрат на ее кормление. Крестьянский практицизм, пусть он сегодня кажется жестоким, с одной стороны был вынужденной мерой, а с другой — только он и мог создать породу, заслужившую эпитет «жемчужины среди других пород».

Сельскому жителю нужна была предельно неприхотливая, жизнестойкая и выносливая собака — «на все руки дока». Вот как об этом

писал Август Шмидт (да простят мне читатели обильное цитирование его статьи «Немецкая овчарка» из журнала «Кровное собаководство» №4 за 1926 г.): «Крестьянину она была крайне необходима как дворовая собака, пользовался он ею всю и был о ней далеко не высокого мнения. До последнего дня своей жизни несла она тяжелую работу, а крестьянин считал это как нечто «само собою понятное»; ее же благоразумие, самопожертвование, мужественное бесстрашие при защите собственности своего хозяина, ее непревзойденная чуткость — все это для крестьянина

была «ничто», и над этим он даже не задумывался. Собаку, почему-либо его не удовлетворяющую, он просто убивал, порой не щадя даже своего старого друга, который за дряхлостью своей уже не был способен исполнять тех тяжелых работ, к которым привык хозяин и исполнение коих считал обязательным. Она была вещью, инструментом, производившим определенную работу. Несмотря на все это, крестьянин все же любил свою собаку, хвастал ее умом, пригодностью к работе, ее хваткой и прочим».

Доля овчарки и сегодня нелегка, а в те поры была куда как трудней. С весны до поздней осени, пася отару и перегоняя ее с одного маленького пастбища на другое среди засеянных угодий, овчарка «накручивала на свой спидометр» до двухсот километров — каждый день! (Насколько помнится, таковы данные английских исследователей. Для сравнения: волк может пробежать за сутки порядка 80 километров.) По ночам ей приходилось оберегать овечьи загоны от хищников. Конечно, немецкая овчарка ростом и силою много уступала волку, но если серого разбойника атаковали сразу две-три

храбрые собаки, умевшие драться «одной хваткой», т.е. сразу вцепляться в горло и уже не отпускать противника, как и полагается делать хорошей овчарке, то волку лучше было загодя убраться подобру-поздорову, не искушая судьбу.

«Как неподкупный, бесхитростный, неугоми́мый и неумоли́мый сторож крестьянского двора славилась овчарка также. Ее пасти и хватки боялся каждый чужой человек, и не без основания, ибо немецкая овчарка относилась всегда недоверчиво и недружелюбно ко всякому чужому, в нем она видела

недоброжелателя или врага своему хозяину, его двору и добру» (А. Шмидт, там же). Добавлю: ни о привязывании на цепь, ни о глухих заборах вокруг двора, как правило, в деревне и представления не имели. Овчарка сама должна была знать границы охраняемых ею владений и никого не трогать вне их. Как видно, крестьянин не стоял перед дилеммой: выбирать ли слишком добродушную или чрезмерно агрессивную собаку. Он выбирал умную.

«Славилась она также и среди охотников своим изумительным чутьем на барсука и кабана... Она так

ловка, что никогда не допускала победы над собою кабана, от клыков которого погибало немало гончих...

В лунную октябрьскую ночь отправляется немецкая овчарка с пастухом-хозяином на охоту на барсука... Охотясь на барсука, овчарка отрезает ему путь отступления к норе, галопом мчится по его следу, и нет ему спасения — он погиб. Сплошь и рядом, бегая по пороше, немецкая овчарка откроет и зайца; тогда наступает для нее радость — полным галопом, предупреждая все хитрости косоного, она настигает его» (А. Шмидт, там же).

И все эти качества были собраны в одной собаке! Просто триумф народной селекции. Да, еще одна немаловажная деталь: очень даже сомнительно, чтобы пастухи и крестьяне, при всем их понимании природного поведения животных, были хорошими дрессировщиками и натасчиками. То есть, хочу сказать: мало того, что овчарки несли в крови способности к разнообразной работе, они их самостоятельно и активно проявляли, сообразуясь с условиями своего существования. И потому включались в работу легко и естественно, как только им предоставлялась какая-то сфера

приложения их сил и энергии, при самом минимальном обучении.

Заботили ли крестьян экстерьерные данные их собак? Нисколько. Какое-то значение, безусловно, придавалось приметам, выдающим сходство щенков с особенно хорошими в работе их предками. На этом основании уничтожали в первую очередь щенков, таких примет не имеющих. Так поступают везде, где используют местных собак для работы: охотникам и пастухам желательно выращивать только собак, с наибольшей вероятностью обладающих подходящими

врожденными задатками. Наличие примет служит определенной гарантией унаследования потомством вместе с ними и вполне определенных пользовательских качеств. С течением времени, от поколения к поколению приобретая все большую выраженность и увеличиваясь в своем количестве, приметы становятся отличительными признаками данной популяции, породы собак и при переходе к культурному разведению ложатся в основу стандарта. Но до этого наличие примет или каких-то иных специфических внешних признаков не является самоцелью

разведения, и собственно экстерьерные качества собак никого не волнуют. Лишь бы собака была хорошим работником!

Жесткий отбор по рабочим качествам ценен тем, что с его помощью в конечном итоге отбирают собак хороших во всех отношениях, по всем параметрам. То есть, при пользовательном отборе спонтанно ведется селекция и по главным экстерьерным формам. Собака с пороками сложения, равно как с недостатками здоровья, психики, ума, оказывается неспособной выполнять тяжелую работу, что для нее равнозначно смертному

приговору. А потомство лучших, подвергаясь все более усиленной эксплуатации, из поколения в поколение совершенствуется в своих качествах. «Так тяжкий млат, дробя стекло, кует булат».

К концу XIX века поголовье немецких овчарок представляло собой несколько разновидностей собак, близких по анатомическим особенностям сложения, практически одинаковых по пользовательским характеристикам и отличавшихся друг от друга длиной и структурой шерсти, окрасами, формой ушей и другими не слишком

существенными для работы признаками.

Главной зоотехнической задачей А. Мейера и М. ф. Штефаница было придать всем немецким овчаркам тот вид, те экстерьерные и конституциональные формы, которые в наивысшей степени способствовали бы проявлению лучших рабочих качеств. И при этом нельзя было ничего потерять в выдающихся природных способностях этих собак. Трудную задачу они решили блестяще. За образец был взят волкообразный серый кобель с крепкой психикой и буйным темпераментом, ставший

основателем первой заводской линии немецких овчарок. Его же описание легло в основу стандарта.

С закреплением в поголовье выбранных стандартом статей сложения, немецкая овчарка окончательно отложила от родственных ей пород, таких как ховаварт, шаф-пудель и прочих. Вскоре порода обрела широкое признание и быстро распространилась во многих странах как наиболее подходящая для военной и полицейской службы.

Любителям собак в те поры импонировало не внешнее, но

внутреннее богатство немецкой овчарки, сущность которой можно было «охарактеризовать всего лишь двумя словами: простота и прилежание. Простота в наружности и прилежание как основное ее качество». Они прекраснодушно надеялись, что «ее простой, не декоративный вид охранит ее от того, чтобы она сделалась скоропреходящей модной игрушкой — участь многих модных красивых пород, прилежание же обеспечит ей с каждым днем все возрастающий круг поклонников и любителей». (А. Шмидт. Там же).

Прилежание на самом деле
обеспечило немецкой овчарке
бешеную популярность. Но
тогдашние любители породы
определенно недооценили
разрушительную силу моды и
дышащего в затылок последней
коммерческого разведения.

Первые «выкрутасы» моды
немецкая овчарка претерпела еще
при жизни Штефаница. В начале
века породе для успешного ее
применения в служебных целях
недоставало роста и силы.
Естественно, на выставках
определенное предпочтение
оказывалось более крупным и

массивным особям. И вот, слишком увлекшись впечатляющими габаритами, те германские любители, что разводили эту породу из соображений конъюнктурных, без оглядки на ее работоспособность, выгнали рост выставочных лидеров, а затем и большей части всего поголовья далеко за пределы разумного. Один из ведущих советских кинологов тех лет В.Л.Вайсман писал об этом так: «В настоящее время немцы культивируют крупных овчарок, достигающих до 70 и более сантиметров. Подобные собаки тяжелы и не выносливы, что

отражается на быстроте и успешности работы, в особенности при сильной жаре» («Стандарты служебных собак», Москва, 1930). Мариан Шиманкевич, известный польский овчарист, в 1966 году считал, что эта ситуация «сложилась в результате тесного кровного разведения и симпатии к крупным собакам. Около 1925 года порода в целом стала высокой, квадратной и неуклюжей, ей не хватало легкости и плавности движений, как то было принято за идеал Штефаницем» («Из истории немецкой овчарки, журнал «Пес», ПНР). Решительными действиями Штефаниц вернул

породу к первоначальному стандарту, но... Разведением занимаются люди, а людям свойственны слабости, одна из которых – подверженность увлечениям, моде. К тому же мода определяет спрос.

В конце тридцатых годов на выставках стали уделять особое внимание пластичным и низким, «стильным» движениям. Незамедлительно последовали модные извращения, о которых читаем у Шиманкевича далее: «Характерным моментом современной нам истории овчарок являются попытки влияния моды на формирование типа овчарки, при

одновременных стараниях теоретиков разведения породы, направленных на недопущение утраты рабочих качеств. Например, в предвоенные годы появляются собаки слишком массивные, с низкой грудной клеткой, передвигающиеся как кошки. Выглядели они эффектно, но руководители разведения вовремя поняли опасность, кроющуюся в этом отклонении. Развернутый лозунг «возвращения к образцовой собаке» ликвидировал тенденции моды, подчеркивая факт, что слишком массивные собаки не способны к легкому бегу, утратили скорость и поворотливость».

Хотя тип приземистых и слишком тяжелых собак превалировал в разведении еще довольно долго, вызывая подобные нарекания, это были все же овчарки, к оценке которых можно было подходить с такими, например, требованиями: «На выставке у нас нет возможности достаточно хорошо оценить выносливость овчарки. Но все-таки можем видеть, что некоторые собаки за два часа движения рысью на солнце устают, а это у немецкой овчарки плохой признак. ...Легкая и свободная рысь ...требуется не только пастушьим собакам, но и каждой служебной

собаке. Собака, которая не выдерживает легкого бега в течение всего дня, а после не в состоянии быстро задержать убегающего фигуранта, не может быть действительно служебной собакой. Есть много собак, которые после нескольких часов рыси так устают, что не проявляют никакого интереса к дальнейшей работе. Конечно, это нельзя проверить на выставке и потому мы должны быть очень требовательны, чтобы собаки выдерживали такое короткое двухчасовое движение и после были свежими в выставочном ринге» (Карел Вшолек, «Немецкая овчарка»,

1954, СССР). Эх, сейчас бы мне ваши заботы, пан Вшолек!

Думаю, уважаемые читатели уже догадываются, что атаки моды на немецкую овчарку этим не прекратились? Да-да, увы, каждый очередной виток развития породы сопровождался очередным «взбрыком» эстетствующих разведенцев. Что, например, считалось красивым и «модным» на рубеже 60–70-х годов, по какому поводу тогда били тревогу истинные ценители породы? Модной оказалась «гармонично спадающая линия верха» от ушей до кончика хвоста, которую неумные поборники

красивости старались привести к прямой, нисходящей под углом чуть ли не в 40° к горизонтали. И вот что из этого вышло: «Ведущий племенные книги Кремхельмер подчеркивает: «Нужно обратить внимание на то, чтобы не отвлекаться от нормально сложенного рабочего типа, в котором нет ничего ни «много», ни «мало». Сейчас у нас есть целый ряд собак, которые из-за своих коротких задних ног имеют спину, сильно опущенную вниз, и производят впечатление, будто обладают высокой длинной холкой, даже если это не так. Когда же к этому прибавляются короткая

спина и сильно склоненные бедра, получается гиеновидная сильно скошенная назад бегущая машина, для глаз, возможно, красивая, но не работоспособная...» Такой опытный разведенец и знаток экстерьера как Ханн предупреждает: «Многие собаководцы — фанатики красоты — перешли границы, допустимые для рабочего телосложения. Так возникли «гиеновидные» типы, которые наблюдаются в некоторых линиях, но племенному стандарту не соответствуют. Эта рабочая порода не должна пасть жертвой модных настроений или странных заграничных увлечений» (Юрий

Унгерман «Современные тенденции в разведении немецких овчарок в ФРГ и ГДР», журнал «Пес», ЧССР, 1978). А еще увлекались сильными до острых углами задних конечностей, чепрачным окрасом, длинными, лежащими на земле хвостами, опять-таки чрезмерным ростом и «гармоничной линией верха», но теперь уже с «плавным течением»...

Англичане вроде бы стабилизировали свои эстетические требования к немецкой овчарке на чем-то между «гиенами» и «остроуглыми», что дает теперь немцам пищу для ехидства:

«Разводимые в Англии немецкие овчарки так резко убывают в крупе и имеют настолько «заугленные» задние конечности, что эти собаки наступают как зайцы — всей плюсной. Просто английские заводчики увидели как-то, что в Германии придают большое значение сильным углам задних конечностей и спадающей вниз линии спины и мигом все это преувеличили. То, что немцами при этом обращалось внимание на рысачий корпус овчарки, было ими, очевидно, упущено» (Р. Северин, ФРГ «Различие в английском и немецком подходах в разведении бультерьеров»,

журнал «Ваше хобби», Белоруссия, №4, 1993).

– Как бы там ни было, – может сказать иной читатель, – но ведь всякий раз германское, а вслед за ним, наверное, и наше разведение возвращаются на круги своя «к работопригодной овчарке». Болезни роста неизбежны, и стоит ли шум поднимать, если они все равно преодолеваются?

Не так-то все просто с «преодолением» и «возвращением». «Проблема становится очень серьезной, когда мода, эта глупейшая из глупейших особ женского пола,

начинает диктовать бедной собаке, какой должна быть ее внешность; и из всех вошедших в моду пород не найдется ни единой, чьи первоначально прекрасные психические способности не были бы в результате погублены. Только там, где эту породу продолжали культивировать ради дела, без реверансов в сторону моды, она сохраняла свои первозданные достоинства. ...Когда практическая польза перестает быть целью при «модернизации» какой-нибудь породы, ее можно считать обреченной». Эти известные слова Конрада Лоренца («Человек находит

друга», Москва, «Мир», 1971), чей авторитет лауреата Нобелевской премии, думаю, достаточно весом.

Зло заключается в том, что носитель модной экстравагантной «оболочки» используется в разведении без особой оглядки на то, обладает ли он всем необходимым набором хороших рабочих качеств и не несет ли он «гандикап» нежелательных наследственных свойств. Более того, ради его модных (но ценных ли на самом деле?) преимуществ, разведенцы частенько готовы даже закрыть глаза на присущие ему явные недостатки. Немного нужно времени, чтобы

значительная часть поголовья оказалась породненной на такую «звезду». Несколько подобных «реверансов» и из генофонда вытесняется действительно ценная, порою определяющая суть породы наследственность. А инбридирование ускоряет этот процесс в десятки раз. В первую очередь несчастные потомки выставочных чемпионов утрачивают ум, хороший характер, здоровье и все прочее, что на выставке оценить толком никак нельзя. Увы, при укоренившейся в системе собаководства шкале ценностей, «даже щепетильно честные владельцы питомников,

которые скорее умрут, чем используют собаку, не отвечающую всем необходимым требованиям, считают вполне этичным получать потомство от физически красивых, но умственно отсталых собак, а затем и продавать эти щенят» (К. Лоренц). И вслед за Лоренцом, я «придерживаюсь весьма низкого мнения о современных принципах разведения собак, принципах, которые слишком большое значение придают «красоте» собак, пренебрегая их умственными способностями...»

Кстати, насчет «физической красоты» овчарок. Приведенных

выше примеров, наверное, вполне достаточно, чтобы понять: если идеал красоты не определяется функциональным совершенством, если экстерьерный или конституциональный признак, стать, тип, размер, пропорция не могут быть оправданы серьезной рабочей проверкой или не отвечают требованиям жизнестойкости, то это уже не красота, а красивость, декоративность, вкусовщина, только вредящая рабочему назначению породы. И нет никакой принципиальной разницы между красивыми «гигантами» 20-х гг. и тоже красивыми «кошками» 40-х,

«гиенами» 60–70-х и современной диванно-выставочной «овальной» элитой – это все отражения вкусов своего времени, далеко отстоящие от истинной красоты немецкой овчарки.

Думаю, стоит сказать и другое. Основой оценки красоты служит чувство природной гармонии, той гармонии, флюиды которой ощущают, пожалуй, все, но видят ее немногие. Красивость, ввиду ее доступности, так часто и побеждает. Она почти обречена на победу, поскольку ее легко объяснить и привить ее понятия другим, большинству. Гармония же с трудом

поддается объяснению, а научить чувствовать, видеть ее вовсе нельзя. Чувство гармонии как чувство юмора: либо оно есть, либо нет. Оно сродни таланту художника и встречается немногим чаще. Не обижайтесь, дамы и господа эксперты, но у меня есть серьезные подозрения, что многие и многие из вас, в том числе среди судящих выставки немецких овчарок, таким даром обделены. Потому я за экспертизу и отбор овчарок по функциональным показателям. Может это и не самая короткая дорога к настоящей красоте породы,

но зато самая верная. Конечно, если судить строго и честно.

К счастью, однако, отнюдь не все поголовье овчарок в той же Германии захлестывали модные поветрия. Всегда оставались преданные идеалам породы люди, заводчики, дрессировщики и судьи, пренебрегавшие стряпаньем выставочных победителей, но серьезно и ответственно придерживавшиеся в своей деятельности заветов Штефаница. Их и сейчас немало. И разводят они собак настоящих, здоровых телом и душой, с крепкими нервами, способных к любой работе. Именно

этих собак имел в виду Лоренц, рекомендуя покупателям щенка: «Немецкую овчарку всегда следует брать от родителей, принадлежащих к служебной линии, и в этом случае удостоверение ее происхождения от чемпионов имеет вполне реальную практическую ценность». Лоренц указывал на тенденцию к разделению рабочих и выставочных немецких овчарок. И это разделение произошло.

Нельзя сказать, что не предпринималось попыток избежать раскола в разведении породы, но уж слишком глубокими оказались корни этого процесса. И даже усилия столь

авторитетного человека как доктор Руммель (бывший президент SV) пропали втуне.

Организация разведения немецких овчарок в ФРГ такова, что зоотехнические мероприятия охватывают лишь небольшую часть полученного потомства. «К сожалению, такое положение дел существует в отношении практически каждого производителя, и пока оно не изменится к лучшему, нельзя делать ни одного абсолютного вывода о позитивных и негативных наследственных особенностях отдельных кобелей, либо определенных кровных линий. Этот

пробел в знании негативных наследственных задатков ведет к тому, что плохие суки выявляются слишком поздно, когда они уже причиняют ущерб разведению.

Вероятно, существуют и соображения коммерции, которые приводят к тому, что в ФРГ оценивается лишь то наилучшее, что дал производитель, между тем как большая часть его потомков, и как раз худшая, остается недооцененной. Понятно, что в конкуренции между гигантскими питомниками каждый крупный заводчик стремится к тому, чтобы обнаруженные недостатки не были разглашены и остались

неопубликованными, не бросив тень на репутацию его питомника» (Ю. Унгерман). И, разумеется, чем моднее производитель, чем выше его успехи на выставках, тем желательнее для владельца скрыть плохую его наследственность.

Помимо прочего, это, а также узкая кровная база и, одновременно как причина и следствие последнего, злоупотребление инбридингом привели к деградации и неуклонному перерождению «выставочных» немецких овчарок из служебных собак в нынешних, в массе своей почти декоративных. А д-р Руммель предупреждал: «Родственное

разведение, хотя оно является путем быстрого достижения, якобы, успеха, при узкой кровной базе может лишь вредить породе... Безусловно, сегодня для разведения очень трудно, учитывая положение с инбридингом, в течение короткого времени достигнуть расширения кровной базы. Нужно не выискивать партнеров лишь среди отборных собак, но обратить внимание и на многих рабочих животных. Но как отвадить заводчиков от вязок их сук исключительно с отличными собаками из-за одинаковых предков, когда выявлены лучшие и определена элита общегосударственной

выставки? Современное положение дел таково, что первые десять кобелей дают более 1/3 годового прироста поголовья в ФРГ» (по Ю. Унгерман).

Д-р Руммель надеялся преодолеть тенденцию к расколу поголовья. «Если в прошедшие годы на разведение влиял отбор по экстерьеру, то это был весьма однобокий подход к делу, не отвечающий требованиям племенного и пользовательского разведения. Спаривания производились больше по результатам выставок, а не с учетом биологических предпосылок и

требований к рабочим качествам. Оценка на выставке не должна быть единственным критерием при обосновании племенного отбора. Те разведенцы, которые ориентируются лишь на экстерьер, скоро потеряли бы авторитет со своими красавцами, т.к. мы заботимся о том, чтобы наши немецкие овчарки удерживали бы мировой уровень и в отношении дрессировки. Эти разведенцы не хотят также, чтобы наши ценнейшие рабочие линии были введены в разведение, как они того заслуживают. Поэтому на наших общегосударственных выставках немецких овчарок будет и в

дальнейшем проверяться поведение племенных животных. Только так мы сможем определить и исключить из разведения носителей слабой нервной системы, несмотря на их высокие оценки» (по Ю. Унгерман). Но в силу многих объективных причин эти надежды не оправдались.

Совпадение ряда обстоятельств привело к тому, что сейчас можно уверенно констатировать: уже существуют не просто «выставочные» и «рабочие» линии, а по сути две разные породы немецких овчарок. Причем разделение это, скорее всего, необратимо, хотя они носят одно название, разводятся по одному

стандарту и регистрируются одним «ферайном» в одной племенной книге. «Де-факто» это случилось в начале 80-х и закрепилось к началу 90-х гг., т.е. с появлением и формированием «суперлиний», идущих через плеяду известнейших чемпионов Канто и Кванто Винерау, Канто Арминиус и прочих, кличками которых забиты родословные всех «звезд» экстерьерных рингов последних лет.

Одно из упомянутых «обстоятельств» может показаться странным, но все-таки: не последнюю роль в появлении породы «выставочных НО» сыграли ...

дрессировщики и нормативы дрессировки. Дело вот в чем. Немецких овчарок, применяемых для службы, традиционно дрессировали и дрессируют, используя жесткую методику «немецкой школы», дающую прекрасные результаты на собаках с сильной, выносливой нервной системой. Практика использования НО в условиях тяжелой работы однозначно показывает: собака, не прошедшая «жесткого» обучения, по-настоящему надежной не бывает. Разумеется, не все овчарки способны выдержать такую дрессировку по полной программе. Мы ведь имеем дело с

живыми существами, обладающими сложной и тонкой психикой, среди которых небольшой процент нежелательных отклонений от нормы — явление вполне обычное и неизбежное. В полицейском или армейском питомнике незачем и задаваться целью выдрессировать всех попадающих туда собак, если есть из кого выбирать. Так или иначе, лучшая по задаткам характера собака будет подготовлена к службе быстрее, без лишних затрат времени и сил, и покажет в среднем более высокие и стабильные результаты, чем собака худшая изначально. Слабонервных особей проще

выбраковать и не использовать ни в работе, ни разведении. Так и поступали, пока все разведение носило в целом «рабочий» уклон и брак встречался лишь время от времени, а не в массовом порядке.

Но с тех пор, как порода «вошла в фавор» у любителей собаководства, большая часть овчарок оказалась оторванной от практического служебного применения. Чтобы из-за этого в массовом разведении не потерять рабочих качеств, были придуманы специальные нормативы дрессировки, призванные играть роль своеобразных тестов. Собака, выдержавшая испытания по

нормативной программе, включающей в себя проверку следовых, защитных и общекомандных навыков, как бы подтверждала свою пригодность для служебного использования (и в этой части — для разведения) по способности к обучению, силе, уравновешенности и подвижности нервных процессов. Дрессируя собак на выполнение этих спортивных нормативов, первоначально использовали ту же «жесткую» методику обучения, что и для служебных собак. Но любитель, очарованный перипетиями выставочной борьбы, титулами

чемпионов и блеском медалей за экстерьер, редко когда имеет неискаженное представление о том, каким характером должна обладать настоящая служебная собака, если ему вообще до этого есть дело. Такой любитель озабочен единственно важной проблемой: как бы натаскать свою, пусть весьма не блестящую по характеру собаку, чтобы она получила этот треклятый диплом по дрессировке, без которого ее не допустят в разведение. Особенно если собака красивая, да еще, глядишь, претендующая на высокие места в рингах... Диплом нужен любой ценой! Ну уж коли испытаний

не избежать, надо как-то так подготовить к ним собаку, чтобы «не сорвать ей психику». Спрос рождает предложение, и дрессировщики в этом случае предлагают использовать игровые приемы дрессировки. Правда, собака, обученная на игре (пусть она и способна выполнить весь полагающийся комплекс упражнений в стандартных условиях), оказавшись в непривычной обстановке, в любой момент может отказаться от работы. Выполняя навыки «защиты», такая собака не испытывает сильных эмоций — злобы, ярости. Она имитирует нападение, единственным

объектом ее атаки является защитный рукав. Не человек – враг, облаченный в снаряжение, а рукав – апортировочный предмет, надетый человеку на руку! Никакой злобы и смелости тут уже, естественно, не требуется, был бы хоть какой-нибудь темперамент, да желание играть. Более того, агрессивность здесь очень мешает. Агрессивную собаку научить играть непросто, нужно прежде погасить агрессивность и приучить собаку к тому, что фигурант, изображающий побег или нападение, вовсе не противник, а партнер по игре. Да, от игровой агрессивности до настоящей –

«дистанция огромного размера», поэтому натасканная на игре овчарка в случае реальной опасности не сможет достойно защитить не только хозяина, но и самое себя. Но ведь это от нее и не требуется. Собака должна всего лишь отработать норматив, и больше ничего. А это она запросто! И даже с определенным преимуществом перед «честно» работающими собаками. Например, при выполнении защитных упражнений овчарке нужно по первой команде быстро отпустить и стеречь фигуранта. Но возбуждение в ярости и возбуждение в игре — величины разных порядков. Собака,

работающая яростно, работает энергозатратно: у нее соответственно должны быть и большая сила торможения, и высокая скорость вспыхивания и затухания, и быстрый переход от возбуждения к торможению, и общая уравновешенность нервных процессов. Большие затраты нервной энергии у азартных, по-настоящему боевых собак чреваты срывами, огрехами в работе. Конечно же, уравновешивание игрового возбуждения требует гораздо меньших сил, собака «работает» без напряжения, не утомляется и не срывается, т.е. не теряет баллов на

испытаниях. Раз нормативы условные и противник условный, почему же не быть и работе условной, злобе условной, характеру условному – для полного равновесия! А если учесть, что дрессировщики, использующие игровую методику (что еще называют «итальянской школой дрессировки»), по их общему признанию, предпочитают брать в обучение собак беззлобных, доверчивых, игривых и даже чуть трусоватых, стало быть, по типологическим признакам малопригодных для служебного использования, то... Чего ждать, если средство подменило собою цель? В

результате в разведение непрерывной
чередой вливаются собаки,
выполнившие нормативы, но лишь в
малой степени пригодные, а то и
вовсе негодные для практической
работы.

Понятно, чем больше в
Германии занимались
«выставочным» разведением, тем
больше появлялось собак с
недостатками поведения и тем
больше был заработок у
профессиональных дрессировщиков
«итальянской» игровой школы. Ну а
появление «суперлиний» стало для
них вообще открытием Эльдорадо.
Игровая дрессировка как цунами

захлестнула не только Германию, но и всю Европу, почти утратившую потребность в охранных, защитных собаках. Процесс вполне закономерный, ведь результативность этого метода обучения – по количеству дипломов – очень высокая, а требования к владельцам «суперовчарок», напротив, низкие – от них не требуется твердости в обращении с «мягкими» собаками. В общем, все довольны. И дрессировщики особенно: хотя их работа в значительной степени утратила элемент творчества и превратилась просто в ремесло, но высокий

профессионализм и при игровой дрессировке необходим. Зато профессия, ранее бывшая связанной с риском, теперь стала совершенно безопасной. И судьи довольны: прежде, когда овчарки были строгими, лишь хорошо обученная собака, контролируемая хозяином, могла позволить постороннему человеку – судье – осмотреть прикус, ощупать мышцы и прочее, не проявив к нему агрессивности. Другое дело сейчас: можно смело гладить, щупать, шлепать почти любую – чего бояться укуса, коли и мыслей о таком у собаки от рождения нет и не было. А диплом по дрессировке есть,

значит собака – рабочая. Знакомая картина, когда на российской выставке «забуторный» эксперт треплет собачью шею, нахваливая ее, собаки, хорошее поведение? А бедняжка как овечка перед закланием, в глазах одна мысль – и чего этот тип пристал? Сбежать бы, да ведь хозяин не отпустит. Придется терпеть!

Так вот, судьи и далекие от совершенства правила экспертизы «а ля ФЦИ» – это второе обстоятельство. Но его нельзя рассматривать в отрыве от самого мощного, третьего – социального заказа и обусловленного последним

тотального наступления
коммерциализации на разведение
породы. Но есть еще и четвертое, и
пятое... Как уже говорилось выше,
все приводимые «обстоятельства»
совпали на этот раз во времени,
развились параллельно, и теперь
трудно судить о причинно-
следственных связях между ними,
ибо действовали они в комплексе и
постоянно влияли друг на друга.
Поэтому я просто перечислю
некоторые причины, приведшие НО
к такому интересному финалу.

На формирование современных
взглядов судей-экспертов НО
значительное влияние оказали два

фактора. Во-первых, правила и укоренившаяся ныне методика экспертизы вывели выставку из разряда зоотехнических мероприятий на уровень шоу-представления. Во-вторых, наукообразное обоснование современных идеалов экстерьера — примитивная механистическая модель якобы совершенной немецкой овчарки, не подвергнутая громкой заслуженной критике и потому обманывающая многих и многих собаководов, слабо знакомых с биомеханикой. Вообще-то, чтобы усомниться в правильности данных чисто умозрительных посылок, не

нужно и вдаваться в тонкости: достаточно понять, что теоретическая модель, основанная лишь на пропорциях скелета, не может быть подлинным отражением физических способностей животного, состоящего помимо костей из мышц, внутренностей и прочего. Любая попытка более широкого или углубленного анализа этой модели, не говоря уже о практической проверке функциональных качеств собаки, соответствующих ее критериям, неминуемо приводит к быстрому развенчанию выдумок о каких-либо преимуществах нынешних красивых

овчарок. Почему же никто из знатоков породы, ратующих за рабочие качества НО, не опроверг притянутых за уши «доказательств» целесообразности типа телосложения современных выставочных лидеров? Скорее всего, только лишь потому, что никто не нуждается в этом опровержении. История, как мы убедились, свидетельствует: выставочное направление разведения уже по определению не может быть откорректировано с позиций пользовательской пригодности хотя бы на сколь-нибудь значительный срок. Перекосы возникают

обязательно и непременно уже потому, что целью выставочного разведения являются выставочные успехи. И эксперты, судящие выставки, сами суть порождение этой системы, в ней развились и ей принадлежат. Более того, каждое последующее поколение экспертов, обучаясь у своих предшественников, все более и более отдаляется от традиционного подхода к НО как к породе служебных собак. То есть, возникает новая преемственность уже других традиций, в которых рабочим качествам породы нет места. Итого, здесь логические доводы или какая-либо борьба за

возвращение НО «на круги своя» не могут оказаться успешными или, по крайней мере, оправданными. Подчеркиваю, выставочное разведение сегодня – это, в общем, не следствие ошибок или заблуждения тех, кто им занимается, но есть процесс самодовлеющий, имеющий собственные глубинные причины и вполне самостоятельное значение.

Социальный заказ на современную выставочную немецкую овчарку сложился под влиянием многих факторов. Хотя порода сохраняет свою популярность у населения европейских стран и спрос на нее все еще высок, в

защитных и других рабочих собаках ныне особой нужды у обывателя нет, оттого снизился уровень требований к тем психическим и физическим качествам, которые прежде определяли лицо породы. Под прессом возобладавших в западном обществе сентиментально-гуманистических взглядов, все шире укореняются в массовом сознании нелепости, подобные той, о которой в упоминавшейся выше статье писал I-й председатель бультерьер-клуба ФРГ Р. Северин: «Англичане вполне убедились в том, что собаки, которые в определенном месте «учатся кусаться», вслед за тем жадно

глотают каждый день по ребенку, а в выходные — двух». Такого рода отношение со стороны общественности привело собаководческие организации уже многих стран к отказу от необходимости пусть уже ничего не подтверждающих, но все же хоть по названию «рабочих» дипломов для племенных НО.

Заниматься настоящей «жесткой» дрессировкой в некоторых странах нынче стало просто небезопасно. Если доморощенные гуманисты пока согласны не замечать происходящего на дрессировочных площадках, то

попытка наказать хлыстом
строптивую собаку где-нибудь на
улице, прилюдно, на глазах
новоявленных «зеленых» может
обернуться значительным
облегчением кошелька, а то и более
суровым судебным приговором. Но
как иначе приучить собаку к тому,
что безупречное повиновение
хозяину обязательно не только в
определенном месте, на
дрессировочном полигоне, а везде и
всюду? Это никого не волнует.
Общественность готова слезно
умиляться верности и доблести
немецкой овчарки, но не желает
знать, а тем более видеть чем все это

достигается. Она изволит пребывать в розовых грезах и не терпит нарушений своего покоя, на что имеет право по закону. Закон же воспрещает жестокое обращение с животными. Причем «жестокое» в понимании обывателя, некомпетентного в этологии, а, стало быть, не осознающего обусловленной законом природы необходимости подобных воспитательных мер. Но зато заранее имеющего свое по сему поводу мнение, которое он считает должным, ничтоже сумняшеся, с ходу огласить и упорно отстаивать против любых убедительных доводов здравого смысла или даже научных

фактов. Что поделаешь, имеет право! В приватной беседе после выставки «кубок России – 93» эксперт SV Карел Строугал, известный также как владелец питомника «з Генту», на мои вопросы о судьбе рабочих овчарок Чехии назвал в числе главных следующие причины их исчезновения: повальную моду на «выставочных» собак, почти поголовную скупку чешских НО «рабочих» кровей бундесвером и полицией ФРГ и ... движение «зеленых»!

Кстати, на вопрос о представленных на «Кубке» собаках, прозвучавший примерно так: «Но

разве это — овчарки? Они же развалятся, заставь их хоть полчаса побегать на хорошей скорости, не правда ли?», — он ответил: «Десять, ну еще пять лет назад у нас в рингах овчарки бегали по четыре часа. А сегодня требования другие, изменились вместе с модой. Сейчас этого не нужно». Увы, не нужно. Вот и Эрих Оршлер, также эксперт SV, владелец знаменитого питомника «ф.Бату» это невольно подтверждает. В статье Т. Ивановой «Специализированная выставка немецких овчарок» (журнал «Вопросы кинологии», №1–2, 1993) читаем: «Господин Оршлер отметил,

что у многих собак были хорошие движения. Рассказал о своем опыте подготовки собак к выставке. Нужно много (по 50–60 минут ежедневно / Здесь и далее выделено мною. – А.В./ ходить в гору... При движении под гору большую нагрузку получают передние конечности и прогибается спина, поэтому во время тренировок с горы собаку желательно спускать на машине. После таких тренировок в течение 2–3 недель можно вводить бег на 1,5–2 км... Круглогодично дважды в неделю собаку тренируют в ринге. Для физического развития очень полезно плавание... Чтобы собака плыла с хорошей скоростью,

можно посылать ее за палкой 5–6 раз и более, пока у нее сохраняется интерес. Для тренировок Эрих Оршлер не рекомендовал велосипед, так как, по его мнению, при этом дрессировщик не чувствует нагрузку на собаку...» Даже не смешно. Это что за, извините, одров нужно разводить, чтобы считать такие нагрузки для них достаточными? Человеку, горожанину с брюшком, отнюдь не спортсмену, протрусить 1.5–2 км на утренней зарядке это, может быть, и достижение, но считать столь ничтожную пробежку тренировкой для выставочного «крэка» — увольте, майн хэрр, не

хочется верить! И, однако ж, приходится смириться с этой печальной правдой. Посмотрите видеофильмы о всемирных выставках, посмотрите непредвзято, без шизоидных ахов по поводу «совершенства форм» и прочего, господа «немчатники». И увидите: даже на той «скорости», точнее «тихоходности» рыси, на которой там демонстрируют овчарок с оценками VA, лишь единицы из них бегут с более или менее прочным в движении верхом. Тот же Фанто ф.Хиршель, бывший «победитель Зигершау», особенно запомнился ходуном ходящей спиной. А другие

что, много лучше? И где же им выдержать нормальную рабочую нагрузку, нормальную проверку движения? Ах да, можно возразить, вспомнив, что все собаки, прошедшие «керунг», предварительно выдерживают «аусдауэрпрюфунг», то бишь «испытание выносливости». Но так ли уж это трудно, господа? При температуре воздуха не выше 22оС немецкая овчарка должна пробежать рядом с велосипедом 20 км в темпе 12–15 км/час. После первых 8 км делают остановку на 15 минут, после следующих 7 км – еще на 20 минут. Итого, двадцать километров

преодолеваются за два часа с гаком, т.е. со средней скоростью менее 10 км/час. Воистину бешеные скорости сумасшедшего века! По завершении пробега, после еще одного 15-минутного перерыва, выполняют простые навыки послушания. Смотрят, не устала ли собачка.

Всегда считалось, что нормальный темп бега немецкой овчарки, ее «крейсерская скорость», которую она может держать хоть целый день, составляет километр за три минуты, стало быть, 20 км/час. И вроде бы прежде тест на выносливость предусматривал только один 10-минутный перерыв в

середине пути. Но видимо с тех пор, как собак с горы стали спускать на машинах, прежние правила испытаний начали казаться кому-то в «Ферайне» чересчур жесткими и непосильными для «конструктивно совершенных» НО. Ах, господа, господа! Если это теперь считается испытанием выносливости, если нынешние собаки на большее не годятся, то не слишком ли обременительно для них собственное существование, не трудно ли им, часом, дышать, пить, есть? Ведь способность к быстрому и выносливому бегу так же неотъемлема от сущности немецкой

овчарки, как и все перечисленные отправления ее организма.

Впрочем, я несколько увлекся и вновь пытаюсь подходить к выставочным собакам с «рабочими» мерками. Но это, надеюсь, не более предосудительно, чем к рабочим собакам подходить с мерками «выставочными»?

В качестве еще одной иллюстрации к рассматриваемому вопросу о разделении породы приведу выдержки из неопубликованного интервью, данного 6 июля 1991 г. судьей SV и владельцем известного

«выставочного» питомника
«ф.д.Шварцен Цвингер» г.Гюнтером
Каспером вашему покорному слуге, в
те поры главному редактору журнала
«Кинология-информ».

«Кинология-информ»: — Не
видите ли Вы опасности для
разведения немецкой овчарки в
СССР в том, что у нас отсутствует
«классическое», как, например, в
Германии, разделение поголовья на
«рабочее» и «выставочное»
направления?

Гюнтер Каспер: — В Германии
такое разделение действительно
существует, но всегда лучше, если эти

направления совпадают. К сожалению, люди, охотно занимающиеся дрессировкой, редко ходят на выставки, а имеющие собак высокого экстерьерного класса неохотно посещают дрессировочные площадки, опасаясь на тренировке, например, при преодолении препятствий, травмировать им суставы, и т.п.

«К.-и.»: — Не кажется ли Вам, что современное направление в разведении, ориентированное только на определенные экстерьерные качества, не совпадает со взглядами создателя этой породы фон Штефаница, требовавшего, прежде

всего, высоких пользовательных качеств и хорошего поведения и считавшего, что экстерьерные качества не должны вступать с пользовательными в противоречие?

Г.К.: — Во-первых, фон Штефаниц умер полвека назад, и с тех пор требования к поведению овчарки не могли не измениться. Во-вторых, злобные собаки представляют опасность для людей, поэтому всегда желательно спокойное, добронравное поведение собаки. Не случайно проверка поведения начинается с того, что эксперт гладит собаку. Требования обязательного наличия диплома по

защитной службе остались только у нас, на родине породы, в странах Восточной Европы и еще кое-где. Поймите, что это у вас, в Советском Союзе, кому-то еще нравятся агрессивные собаки, а мы ведь строим Общеввропейский Дом, и для нас предпочтительнее в быту собака с добронравным поведением. Кроме того, не нужно забывать, что красивый корпус — это тоже улучшение пользовательных качеств.

«К.-и.»: — Но при исключении из разведения зловредных («левосторонних» — по типизации, существовавшей в ГДР) собак, статистическая средняя

вариационных отклонений поведения сместится к показателям «семь» и «восемь»...

Г.К.: – Я не считаю, что это плохие показатели. К тому же эта система оценки уже устарела.

(Позволю себе напомнить гг. читателям, что по типизационной градации Г. Хирша показателю «7» соответствовала собака добронравная, мягкого характера, чувствительная к воздействию, а показателю «8» – добронравная и маловозбудимая, инертная).

Таки любопытно, всегда ли лучше, если «выставочное» и «рабочее» направления совпадают? Пожалуй, нет. Ведь всякое возвращение «выставочного» поголовья в рабочую колею чревато распространением наследственности выставочных собак, в т.ч. и нежелательной, среди рабочего поголовья (скажем, в виде рецессивных генов). Причем практика показывает, что это правило, а не исключение. Отсюда следует, что каждый «обратный поворот» грозит ухудшением качеств этого самого рабочего поголовья. Любая кровная база, любой

генофонд вследствие этого могут быть быстро подорваны, тогда попросту нечем будет улучшать рабочие качества «выставочного» отродья в следующий раз. И совершенно оправданной, самой эффективной защитной мерой в данной ситуации будет по возможности строгая изоляция «рабочего» поголовья от всякого прилития «выставочной» крови. Что в конце концов и сделали любители рабочих немецких овчарок в Германии. Без этой весьма серьезной причины список обстоятельств, способствовавших расколу породы, оказался бы неполным.

Что же представляют собой овчарки традиционного рабочего разведения ФРГ? В абсолютном большинстве своем это собаки интенсивно окрашенные, волчье-серого и темно-серого окрасов, реже черные и черно-подпалые, очень редко чепрачные. Крепкого сложения, с мощным костяком и объемными, выразительными головами. Очень близки в типе собакам ГДР 70–80-х годов, разве что с несколько лучшими углами передних конечностей. Несмотря на свое рабочее предназначение, имеют пристойные оценки экстерьера (многие — «отлично»). Но их

достоинство не в изяществе
силуэтов, а в титулах чемпионов по
работе, высоких баллах за
дрессировку и десятках дипломов,
полученных на испытаниях. Разве
плоха реклама, в которой, к примеру,
указано: 36 дипломов SchH III, из них
32 с оценкой «отлично» (известный
производитель Ким ф.Верзойфер)? И
разве непонятно нежелание
заводчиков «улучшать» этих своих
собак выставочными победителями?
Есть, конечно, и те, кто пробует
соорудить, иногда небезуспешно,
«коктейль с сапожным кремом» из
тех и других кровей. Но в
большинстве своем «рабочие»

заводы, среди которых такие известные лидеры как «Картаго» и «Бузекер Шлосс», подобных компромиссов не ищут. Их владельцы цену своим собакам знают, им есть что беречь.

В отличие от «рабочих», немецкие овчарки «выставочного» разведения в подавляющем большинстве своем чепрачного, к тому же часто ослабленного окраса (с сединой, без маски, с размытым чепраком т.д.). Помимо элегантных профильных линий, им свойственны и другие общие черты. Например, сплошь и рядом это признаки конституционального ослабления,

проявляющегося прежде всего в утрате полового типа, узких, легких головах с незаполненными под глазами, длинными и тонкими мордами. Зачастую отсутствует не только половая, но и породная выразительность. Также весьма характерны непрочные связки и мягкие хрящи, тонкие, безжизненные и свитые спиралью по оси хвосты, сырая кожа, дистрофическая мускулатура и пустые, бессмысленные глаза. Многие из этих собак слабосильные и неловкие, утратили способность к быстрому бегу и на галопе кажутся полупарализованными. Более того,

не так уж редко приходится видеть и овчарок со специфическими расстройствами координации движений, не способных, например, свободно отводить конечность в сторону, из-за чего они теряют равновесие и даже падают набок при резких поворотах. Поведение большинства из них представляет собой жидкую смесь рефлексов и инстинктов, слегка приправленную темпераментом. Под микроскопом иногда обнаруживаются признаки рассудочной деятельности. Характеры, как уже говорилось, им присущи преступно мягкие, не овчарочьи, а овечьи. Все же, если

быть предельно объективным, и среди этих несчастных порою, хоть и очень редко, рождаются пристойные собаки. Но, как известно, исключения лишь подтверждают правило...

В связи с рассматриваемой темой, интересна и поучительна судьба восточногерманских немецких овчарок. Племенная работа с ними в прошлые годы недаром считалась многими специалистами образцовой с зоотехнической точки зрения. В организации этой работы велика заслуга уже упоминавшегося выдающегося кинолога Ганса Хирша. Плодом во многом его труда была

целостная и эффективная система разведения, и как результат – стабильно прогрессирующая по всем показателям популяция немецких овчарок. К сожалению, после смерти Хирша новые руководители разведения неосмотрительно решились на радикальное совершенствование экстерьерных форм и ускоренную борьбу с дисплазией тазобедренных суставов, пренебрегнув многими другими качествами. Успеха они достигли, но потери при этом оказались неоправданно велики. И самая серьезная из них, пожалуй, следующая. Более 90% поголовья в

короткие сроки было породнено на производителя со слабым характером, потомству которого к тому же не доставало темперамента и, особенно, прилежания в работе — на Экса ф.Ридштерн. Значительное же число производителей с прекрасными рабочими качествами остались вне широкого племенного использования. В результате, спустя некоторое время, и здесь обозначилась тенденция к разделению разведения по уже известной схеме. Но с некоторыми особенностями. Так в ГДР, во-первых, хотя сложились и «выставочные», и «рабочие» линии,

границы между обоими направлениями оставались весьма размытыми; во-вторых, огромный количественный перевес изначально оказался в пользу сторонников «выставочного» уклона. Возможно, потому, что лозунг триединства красоты, характера и наследственности напрямую не отвергался никем. Тем не менее, итог закономерен: постепенно стали исчезать выдающиеся пользовательные качества, но все заметнее обозначались черты декоративности в экстерьере. Впрочем, судя по официальным сводкам, пороки поведения

встречались отнюдь не часто, но поведение собак год от году ухудшалось, о чем, например, свидетельствовал все более низкий процент отличных цифровых показателей типизации. Теперь можно только гадать, как бы все обернулось в дальнейшем, поварись восточногерманское поголовье еще с десяток лет в собственном соку, потому что в середине 80-х годов на «экстерьерную» чашу весов вновь обрушилась мода. В ГДР стали использоваться производители «выставочных» линий ФРГ. Естественно, произошло то, чего и следовало ожидать: новомодные

«красавчики» стали настолько стремительно терять качества характера, что изменение правил испытаний ЦТП и «Керунг» (с 1989 г. были значительно смягчены критерии оценки поведения, это приблизило восточногерманские нормативы к западногерманским) было воспринято функционерами «Специального общества по разведению НО» не иначе как со вздохом облегчения.

Впрочем, вскоре после этого Германия воссоединилась и овчарки бывшей ГДР были внесены в племенную книгу «Ферайна». Загодя предсказать их дальнейшую судьбу

оказалось делом нетрудным. Овчарки «рабочих» восточногерманских кровей нашли очень теплый прием и успехи их использования в разведении уже очевидны. Например, вторым призером Международного чемпионата Германии 1992 и 1993 гг. стал Левис ф.Малатеста, мать которого ГДР-овского происхождения. Кстати, сохранилось и вполне конкурентоспособно «рабочее» разведение чисто восточногерманских кровей. Вчерашние же лидеры выставочных рингов ГДР, ранее «облагороженные» производителями западногерманских линий, как выяснилось, явно не

дотягивают по экстерьерным меркам до головных «выставочных» овчарок ФРГ, не имея к тому же никаких собственных преимуществ в части рабочей пригодности. Зато вроде бы признается перспективным, для улучшения конституции, окраса, выразительности и темперамента у собак именно «выставочного» разведения, использовать производителей из чисто восточногерманских линий.

Как расширение кровной базы может отразиться в ближайшем будущем на процессе дивергенции породы, наблюдаемом нами? Разумеется, и в «выставочном», и в

«рабочем» разведении снизится опасность инбредной депрессии. Учитывая фенотипическую близость «рабочих» НО ФРГ и ГДР, а также уже имеющиеся положительные результаты их сочетания, можно предположить, что нежелательные последствия, которые порою проявляются при ломке генотипа, в данном случае полностью или в значительной степени исключены. Другое дело в «выставочном» разведении. Следует учесть, что высокоинбредные представители этого направления (а подавляющее большинство «выставочных» собак выведено во множественном

инбридинге на ряд одних и тех же предков в пределах 5 генераций) обладают существенными фенотипическими и генотипическими отличиями от собак «освежающей крови», и опыт разведения последних лет, как в Германии, так и в России, подтверждает существующую здесь опасность расшатывания механизмов наследственной регуляции, чреватого нарушениями развития и всевозможнейшими биологическими пороками для потомства. Так или иначе, а объединение поголовья НО бывшей ГДР и ФРГ может и ускорить, и замедлить процесс

дивергенции «рабочих» и «выставочных» собак. Но не остановит его.

Все же маловероятно предположение, что «Ферайн» разделится вместе с поголовьем овчарок на два союза уже в ближайшем будущем. Раскол окажется неминуемым только в двух случаях: либо сторонники «рабочей» овчарки добьются существенного усложнения нормативов испытаний, либо «экстерьерщики» настоят на отмене обязательности наличия дипломов по работе у производителей. Но до той поры традиции и исторически

сложившиеся методы работы вполне удержат приверженцев того или другого направлений в рамках одной организации. Им и вместе не так уж плохо.

Итого, в общих чертах рассмотрены весьма существенные обстоятельства, отразившиеся на современном состоянии немецких овчарок в Германии, и сделаны выводы о фактически совершившемся расколе поголовья на «рабочих» и «выставочных» собак. Налицо все необходимые признаки, позволяющие считать их отдельными породами: различная кровная база, различия в конституциональных,

поведенческих и даже экстерьерных характеристиках, передающиеся по наследству, и наконец — главная движущая сила дивергенции — совершенно различные требования к функциональным показателям. На очереди давно назревший вопрос: а что у нас? Ответить на него не так-то просто, без экскурса в историю не обойтись, иначе многое в нынешнем положении дел может показаться не вполне понятным.

ЧАСТЬ II

Немецкая овчарка в России. История борьбы с породой.

В Россию немецких овчарок впервые завезли в самом начале XX века. Их небольшое поголовье было почти целиком сосредоточено в столичных и губернских питомниках полиции. После революции и гражданской войны сохранилось некоторое количество этих собак, но почти все они не имели документов о происхождении. Потребность в розыскных собаках была очевидной, и в тех же бывших полицейских

питомниках по мере сил овчарок разводили для нужд ГПУ-НКВД. Из питомников щенки попадали и в руки собаководов-любителей.

Но планомерное и массовое разведение НО началось лишь после того, как в Германии были закуплены несколько партий собак (всего около трех десятков кобелей и десятка сук), которых большей частью привезли в Москву, в питомник НКВД. К тому же небольшое количество овчарок было приобретено за границей в частном порядке.

На этом племенном материале строилось разведение породы в

кружках и клубах ОСОАвиаХима. Сук, имевшихся в личном владении, даже неизвестного происхождения, но более-менее приемлемого уровня породности, вязали с импортированными производителями. Но использовались и кобели, остававшиеся в бывших полицейских питомниках от прежнего дореволюционного поголовья.

Нельзя сказать, что все привезенные собаки отличались высоким качеством. Наряду с интересными производителями, было среди них немало экземпляров неудачного происхождения, с не

самым лучшим поведением,
чрезмерно высокорослых и
конституционально ослабленных.
Многие из них, к тому же, являлись
потомками Нореса
ф.д.Криминальполицай, кобеля с
далеко не блестящей
наследственностью.

«Норес фон-Криминальполицай
представлен у нас особенно богато, —
большинство импортных
производителей, как кобелей, так и
сук, имеют его по несколько раз в
своих родословных.

Однако рядом авторитетных
авторов этот производитель

подвергается резкой критике.

Дело в том, что Мунко фон-Болл, дед Нореса, имел со стороны матери бабушку Лория фон-Бренцталь, обладавшую природным укороченным хвостом, в котором не хватало нескольких последних позвонков, и ослабленным — светлым окрасом...

Указанные дефекты появились в потомстве Нореса, так как были подкреплены инбридингом на его бабушку Лория фон-Бренцталь IV-VI. По имеющимся данным, Норес передавал своему потомству светлый и ослабленный окрас с маленьким

серым черпаком, а также черты переразвитости в виде высоконогости, узкогрудости, вытянутой, легкой морды и короткой шерсти. Указанная выше короткохвостость тоже встречалась иногда в ряде поколений» (А.П. Мазовер «Экстерьер и породы служебных собак», Москва, 1947). А еще высокий рост, квадратный формат, легкий костяк, слабая нервная система, неполнозубость. Все это присуще животным с крипторхической наследственностью, и крипторхизм среди потомства этого кобеля тоже не был редкостью.

«Большое количество потомков Нореса в СССР (можно смело сказать, что почти нет таких собак, у которых в шестой-седьмой генерациях Норес не встретился бы несколько раз) и необходимость проведения отдаленного инбридинга на него, способствовавшего накоплению его нежелательных признаков, несколько пугало наших заводчиков» (Мазовер, там же). И не зря пугало. Хотя в общем, несмотря на все трудности, как то: изначально большей частью неважный племенной материал, вынужденное использование собак неизвестного происхождения, автоматическое

инбридирование на производителей с плохой наследственностью, постоянную нехватку и, потом, большую потерю кадров квалифицированных специалистов-кинологов (в предвоенные годы многие из них были репрессированы) — усилиями собаководов поголовье НО в целом отвечало требованиям стандарта.

Война погубила значительную часть племенных собак. Трофейные овчарки, а их привезено было немало (правда, почти все — неизвестного происхождения), конечно, в какой-то степени могли восполнить утраты и

«все обойтись могло с течением времени». но...

«В 1946 году в Москве на выставке появился отлично выращенный молодой кобель — Ингул, который на фоне собак, выращенных на недокорме военного времени, сразу обратил на себя внимание. Ингул имел ряд заметных недостатков экстерьера, но был очень породен и наряден, а эти качества в тот период встречались нечасто.

Как производитель он оказался невероятно препотентным, и, если можно так выразиться, буквально штамповал всех щенков по образу и

подобию своему, со всеми
присущими ему как
положительными, так и
отрицательными качествами. Под
Ингула ставились все лучшие суки не
только Московского, но и многих
других клубов. ...Таким образом,
фактически генеалогическая
структура породы была сведена к
кровной линии Ингула» (Е.Н.
Орловская «О состоянии породы
собак немецкая овчарка в клубах
ДОСААФ СССР», доклад на
совещании в Федерации служебного
собаководства ДОСААФ СССР, май
1974 г.). А этот Ингул (вл.
Голованов), выведенный в

многократном инбридинге на Нореса
ф.д.Криминальполицай, был
односторонним крипторхом...

Чем опасен крипторхизм? Хотя
этот порок иногда может быть
вызван даже вовсе не генетическим,
в чисто внешними причинами
(например, механическим
повреждением), он в любом случае
не может не отразиться негативным
образом на наследственности
животного. Семенник, помимо,
выполнения функции
сперматогенеза, функционирует как
железа внутренней секреции. Если
он остается в брюшной полости, то
под воздействием более высокой, чем

В мошонке, температуры перерождается и приводит в дезорганизации, дисбалансу деятельности всей эндокринной системы. Эти нарушения определенным образом влияют на генетический аппарат данной особи, а стало быть на его потомство, как и должно влиять всякое серьезное отклонение от нормы гормональной регуляции родительского организма. Современные исследователи утверждают: эндокринная система есть составная часть единой иммунонейроэндокринной системы. Отсюда крипторхизм предка, помимо влияния на конституцию,

экстерьер и интерьер потомка, оказывает соответствующее негативное воздействие на его нервную систему, прежде всего психику, и на его здоровье. При этом вовсе не обязательно, чтобы данный потомок крипторха также оказался крипторхом: наследуются нарушения эндокринной регуляции, а крипторхизм — лишь свидетельство ее серьезного расстройства (так же, как он может быть и причиной этого расстройства).

Приведу выдержки из «Сообщения о новейших данных зарубежной науки и крипторхизме у собак», сделанном Н.Н. Ролле на

Комиссии племенного разведения
Федерации служебного
собаководства ЦК ДОСААФ СССР 19
декабря 1968 г.

«Американские ученые Хэмфри
и Уорнер (1956) тщательно изучали в
течение 20 лет наследование и
проявление крипторхизма, наблюдая
все особенности собак-крипторхов у
специально разводимых «в себе» для
этих целей немецких овчарок. Вот
результаты их исследований:
проведено длительное наблюдение и
обследование 37 овчарок-
крипторхов. Среди них было 11
двусторонних крипторхов, из этих
последних у 9 вообще не было

сперматогенеза, у остальных двух наблюдались тяжелые половые расстройства. С точки зрения половых функций из 26 монокрипторхов у 11 наблюдались тяжелые расстройства, 1 был стерильным, у 5 были расстройства легкие и средней тяжести. С точки зрения экстерьера из 37 крипторхов 29 значительно превышали стандарт роста, 23 были физически недоразвиты, имея ослабленную конституцию. С точки зрения рабочих качеств из 37 крипторхов 2 были полными кретинами, абсолютно непригодными к дрессировке, у 5 наблюдалось

замедленное образование и быстрое угасание условных рефлексов, у большинства остальных наблюдалось понижение тормозных реакций и повышенная возбудимость.

Установлено, что крипторхизм несет с собой целый комплекс паталогических изменений в организме. Исследователь Кох, работавший с различными породами собак (спаниели, овчарки и др.), в труде «Наследственные пороки у домашних животных» утверждает, что с крипторхизмом связаны такие врожденные дефекты, как укорочение шерстного покрова, периодические экземы,

винтообразная закрученность хвоста, незаращение неба, нарушение цикла пустовок, выпадение слизистой оболочки влагалища у сук в период пустовки, ненормальность поведения при щенении (пожирание щенков), эпилепсия, гидроцефалия, эпигипоспадия и др. А английские ученые Хилберт и Хэмилтон («А.Б.А.», 1960) прямо заявляют, что результатом гипофизарной гипофункции у крипторхов является проявление последними признаков евнухоидизма с характерной диспропорцией скелета — чрезмерным ростом, высококоногостью, часто связанных с

искривлением предплечий,
косолапостью и разметом, —
недоразвития половых органов,
отставания в общем физическом
развитии и ослабления
конституциональной крепости...

Из всего этого следует вывод, что
крипторхизм не является
изолированным пороком развития, а
является результатом врожденной
дисфункции желез внутренней
секреции...

Наследственное ли явление
крипторхизм?

Исследователи разных стран: Хартли (1948), Кох (1955), Распер (1960), Уитней (1949–1958), Штаубер (1965), Кохер (1963), Тайер (1956) – единодушно утверждают, что крипторхизм наследуется, причем наследуется он не изолированно, а в комплексе со всеми другими паталогическими явлениями, вызываемыми нарушениями гормональной корреляции в организме».

Доктор Марка Бернс в книге «Генетика собаки и успешные системы разведения» (Эдинбург-Лондон, 1966) пишет: «Для нас теперь несомненно, что крипторхизм

у собак сопровождается также общим снижением конституциональной крепости и ослаблением иммунобиологических свойств, поэтому следует только поощрять дискриминацию крипторхов в выставочных рингах, даже если бы они могли и не передавать этот порок своим потомкам».

Что Ингул крипторх, случайно обнаружили только на третьем году его блестящей племенной карьеры (в то время не практиковалась обязательная проверка кобелей на крипторхизм, хотя крипторхов, если таковых выявляли, в разведение не допускали). И тогда для спасения

Ингула, а главное, во имя спасения «чести мундира», выставочный комитет Московской городской выставки 1950 г. «принял беспрецедентное решение — не считать крипторхизм пороком! Несмотря на протесты отдельных судей, решение это осталось в силе, а затем при составлении сборника Положений и Инструкций по служебному собаководству ЦК ДОСААФ СССР (1956 г.) вопрос о крипторхизме вообще был обойден молчанием, что дало возможность узаконить этот порок в служебном собаководстве. Потомки Ингула — крипторхи, а одновременно с ними и

другие крипторхи широко вошли в породу.

Племенной комиссией Федерации служебного собаководства СССР был составлен далеко не полный список крипторхов, которые использовались в разведении д 1968 г. В этом списке 35 кобелей-крипторхов» (Е.Н. Орловская, там же).

Пятнадцать лет крипторхи использовались в разведении немецких овчарок. За это время почти все, за самым малым исключением, поголовье, находившееся в руках любителей,

оказалось породненным на крипторхов, а многие собаки были выведены в многократном инбридинге на них, прежде всего на Ингула и его внука, крипторха же, Тайшета (вл. Свешников). И потомки крипторхов разительно изменились. В их конституции, экстерьере и поведении проявились все признаки нарушения эндокринной регуляции, характерные для данной патологии.

Е.Н. Орловская далее пишет: «Сильно увеличился рост за счет удлинения костей конечностей, появилось огромное количество светлоокрашенных короткошерстных собак. Часты стали хронические

экзематозные заболевания, которые диагностируются как авитаминозы.

Совершенно естественно, что вслед за ростом увеличилась и вся масса тела собаки, что повлекло за собой более выпрямленные углы конечностей, т.к. они в данном случае обеспечивали телу большую устойчивость. Вслед за укороченной лопаткой стала более отвесной пясть и шея получила более высокий выход. Все это привело к тому, что собака такого размера и такой конфигурации потеряла характерные только для немецкой овчарки плавный и широкий шаг и продуктивную стелющуюся рысь.

Сюда же надо отнести и довольно большой процент неполнозубых собак. ...Совершенно не характерна для немецкой овчарки узкая, удлинённая голова со сглаженным переходом от лба к морде, опущенная и легкая морда, что помимо последовательных корреляционных изменений, является типичным недостатком Ингула. Я бы сказала, что в Ингуле были заложены и определены все перечисленные недостатки экстерьера, которые благодаря родственному разведению на этого крипторха, переросли в пороки и увели породу не только от немецкого стандарта, принятого как

международный, но и от нашего стандарта тоже...

Увеличение роста и массы тела повлекло за собой потерю подвижности. Появилось много собак незлобных, медленно и вяло работающих, а также собак с ослабленными тормозными реакциями, которые для работы в естественных условиях не пригодны». Кстати, сам Ингул, хотя его обучал лично один из лучших московских дрессировщиков того времени, на задержание работать не мог из-за отсутствия злобы.

Рост овчарок увеличивался спонтанно и вместе с тем утрачивались нормальные пропорции сложения. Остановить этот процесс какой-то корректирующей селекцией или подбором было совершенно невозможно. Популяция вышла из границ стандарта без всякого на то желания «кинологов» ДОСААФ. Тем оставалось лишь поднимать и поднимать верхний предел роста в стандарте, достигнув в итоге 72 см. Фактически же отдельные экземпляры забирались и за 80-сантиметровый рубеж. Не замечать неординарности происходящего

более было невозможно. И некоторые деятели от собаководства поспешили заявить, что, мол, все так и было задумано, и что, оказывается целеустремленными усилиями советских селекционеров создана новая порода – восточноевропейская овчарка, хорошо приспособленная к нашим климатическим условиям и прочая, и прочая, что до сих пор можно услышать из уст любого апологета ВЕО.

Интересно, что появление этого названия (оно родилось гораздо раньше, примерно в 1950 г.) было всего лишь незначительным эпизодом во всеобщей кампании

«борьбы с космополитизмом». Никакого официального решения о переименовании породы в нашей стране не было. Одни называли ее по-прежнему немецкой, а другие, наиболее рьяные «патриоты» — восточноевропейской овчаркой. Но когда облик собак настолько сильно изменился, новое название стало палочкой-выручалочкой, позволило соорудить хорошую мину при плохой игре.

Таким образом, восточноевропейскую овчарку никто специально не выводил как новую породу или новый тип породы. Она была получена лишь в результате

безответственности, безграмотности и глупости функционеров ДОСААФ из Московского городского и Центрального клубов, из Федерации служебного собаководства. Не выдумывая задним числом никаких мифов, сегодняшним сторонникам ВЕО надо осознать простое: восточноевропейская овчарка — популяция наследственно больных немецких овчарок. Утверждающие иное либо заблуждаются по незнанию, либо осознанно лгут.

Могло ли не произойти появление «водосточной овчарки», даже если бы крипторхи какое-то время использовались в разведении?

Вполне возможно. Если бы постоянно присутствовал отбор собак по рабочим качествам, свойственным породе немецкая овчарка, если бы производители обязательно и поголовно тестировались на испытаниях по следовым, защитным и общекомандным навыкам и эти тесты были бы сложными, тогда крипторхи и их потомки в первые же годы селекции с высокой степенью вероятности были бы отсеяны и не имели бы практических шансов «заразить» все поголовье своей дурной наследственностью. Ведь они в абсолютном большинстве своем

так или иначе малопригодны для сложной и напряженной работы, отчасти из-за отклонений в психике, отчасти из-за утраты физических качеств. Но, увы, нормативы ОКД и ЗКС, что были приняты в ДОСААФ как обязательные для служебных собак, не отличались особой изощренностью и не требовали от овчарки наличия хоть каких-нибудь талантов. А в дальнейшем даже эти «инвалидные нормы» все более упрощались и формализовались, и однозначно увязать этот процесс только и можно было, что с неуклонным ростом дебильности ВЕО. Именно тогда, с

«восточниками», нашим дрессировщикам впервые пришлось осваивать игровую методику дрессировки. Иным способом заставить бесхарактерных собак кусать дресскостюм было невозможно, а других среди ВЕО было немного.

Однако же, когда на каждое «если бы» находится свое «к сожалению», логичным будет предположение, что появление ВЕО не результат случайного стечения обстоятельств, а закономерное следствие, происходящее из самой сути порочной системы собаководства в ДОСААФ. И это

значит, что пока существует такая система, появление «восточников» в том или другом варианте, в той или другой породе неизбежно и представляется лишь делом времени.

И все-таки, что могло бы стать с отечественным поголовьем НО, будь к нему судьба благосклоннее? А вдруг в какой-то степени правы те, кто подобно Марианне Чекаловой («О двух типах немецкой овчарки», журнал «Друг» №1, 1992) считает, что якобы проводился специальный отбор по служебным качествам и приспособленности овчарок к суровому климату, или, как утверждает Евгений Розенберг («Еще

раз об овчарках...», там же), что армия и, главным образом, НКВД стремились получить очень крупных собак, производящих «фундаментально-государственное впечатление на окружающих» , и, выполняя этот заказ, в ДОСААФе вывели «восточников»?

Нет-нет, НКВД своих грехов хватает, зачем на них еще собак вешать! Пустые враки, будто энкаведешникам нужны были устрашающе-огромные овчарки. Уж чего-чего, а прагматизма в таких делах печальной славы ведомству было не занимать: для караульной службы ГУЛаг обладал отменным

(если вообще не лучшим в стране) поголовьем овчарок отечественных пород. Немецкими же овчаркам для конвоя и розыска внутренние войска (так же как и армия и пограничники) комплектовались почти исключительно путем закупки у населения через клубы, причем в службу продавались собаки, как правило, для племенного использования негодные или ненужные. Закупочные цены были так низки, что выгоднее было , приобретая с десятков собак, выбраковывать семь-восемь из них, чем разводить и выращивать щенков в питомниках. Торжествовал

принцип «числом поболее, ценою подешевле», характерный для всей советской затратной экстенсивной экономики: если выполнялись валовые показатели поставки собак, то за счет выбраковки худо-бедно обеспечивалось и качество ремонта поголовья. Поэтому обратная связь между потребителем и поставщиком направлена была не на повышение качества «товара», а на выполнение и перевыполнение плана по количеству. Вот так отсутствие здоровых рыночных механизмов способствовало искажению истинной картины состояния поголовья породы. Это во-первых.

Во-вторых, свое разведение НО в этой системе тоже было — на Дальнем Востоке и Северо-Востоке, на территории Дальстроя, где клубов собаководства не существовало, а привозить собак издалека обходилось слишком дорого и трудно. Так вот, когда весь Союз уже привык к «восточникам», там все еще разводили вполне соответствующих немецкому стандарту овчарок, ярко окрашенных, крепко сложенных, с прекрасными рабочими качествами. Жесткая требовательность к пользовательной ценности производителей, дрессируемости, следовым способностям,

неприхотливости и т.д., в сочетании с «холодным» содержанием в условиях сурового климата, однозначно могли дать — и дали — только такой результат. У Георгия Владимова, кстати, в «Верном Руслане» очень точно описаны эти овчарки. Такими вот уже в 60-х годах, вероятно, могли быть все наши «немцы», если б из них не сделали «восточников».

И в-третьих, о служебных качествах ВЕО. Да если бы эти выродки могли в работе не то чтобы превзойти нормальных немецких овчарок, но пусть приблизительно равняться с ними, разве подборники разведения последних нашли бы

столь широкую поддержку в армии, погранвойсках и МВД? В том-то и дело, что если из немецких овчарок того времени едва ли одна из десяти не годилась для службы, то среди «восточников» лишь одного из десяти можно было хоть к какой-нибудь работе приспособить. И то «со скрипом».

Также невозможно глупы утверждения и о специфической приспособленности ВЕО к работе в тяжелых климатических условиях. Ведь подавляющее большинство племенных собак этой популяции обитало в условиях квартирных и при этом никакой специальной

служебной нагрузки не испытывало. В питомниках же содержание «восточников», сравнительно с «немцами», доставляло гору проблем: в холод они мерзли, в жару задыхались, корм усваивали плохо, зато регулярно собирали на себя всевозможные болезни...

Хотя группа специалистов во главе с известными судьями Евгением Яковлевичем Степановым (ныне покойным) и Еленой Николаевной Орловской, привлекая аргументы ученых селекционеров и ветеринаров, пыталась прервать порочную практику разведения крипторхических животных, их

усилия долго не приносили успеха. «Крипторхов продолжали использовать в племенном разведении с завидной интенсивностью, а такие клубы как Харьковский, Воронежский, Саратовский, Тульский, стоявшие в те годы на правильных, научно обоснованных позициях недопущения крипторхов в породу и всемерно избегавшие необоснованных родственных спариваний, получили от Центрального клуба служебного собаководства прямое официальное указание резко сократить использование в плане разведения

иноклубных, чужекровных кобелей и вести линию крипторха Ингула» (Е.Я. Степанов «О перспективах дальнейшей работы с породой», доклад на совещании в Федерации служебного собаководства ДОСААФ СССР, май 1974). «Восточники» превращались в породу крипторхов. «На Кировской областной выставке в 1964 году было 24%, на Пермской областной в 1965 году – 26%, на Горьковской областной выставке в 1966 году было 33,3% крипторхов среди кобелей младшей возрастной группы. Цифры астрономические, но реальные. Взяты они из официальных судейских отчетов об

экспертизе собак на этих выставках» (Е.Я. Степанов, там же). Процветала неполнозубость: то и дело попадались ВЕО с отсутствием сразу четырех-пяти, а то и более премоляров. Широкой популярностью пользовалась шутка насчет фразы в описании собаки: «Зубы изредка встречаются».

В 1965 г. под напором группы Степанова и Орловской президиум Всесоюзной Федерации служебного собаководства принял решение считать крипторхизм дисквалифицирующим пороком. С 1968 г. было запрещено инбридировать на крипторхов в

пределах родословной. Но эти полумеры уже не могли спасти вырождающуюся популяцию.

В 1969 г. Центральный Комитет ДОСААФ был вынужден запросить ученых ряда крупных научных учреждений и те прислали свои отзывы, в которых содержались самые нелицеприятные оценки качеству работы с породой и настоятельные рекомендации создать новые линии со здоровой наследственностью, используя для этого импортных собак. Деятели досаафовского собаководства поняли, что их положению и карьере грозят серьезные неприятности и не на

шутку перепугались. Защитная мера была предельно простой: спрятать выводы ученых «под сукно» и сделать вид, будто ничего не случилось.

Но борьба за породу уже приняла новый характер. Осенью 1973 г. Днепропетровский клуб, а весной 1974 г. президиум Федерации служебного собаководства Украины приняли решение о восстановлении поголовья полноценных немецких овчарок. На Украине стараниями Днепропетровского клуба и много лет тесно с ним сотрудничавшего Е.Я. Степанова имелось некоторое количество собак, которые, хотя и разводились по стандарту ВЕО, не

имели крипторхов в своем происхождении. Они и овчарки, завезенные из ГДР, стали основой нового разведения. В централизованный план племенной работы на 1975 г. были включены 86 сук и 16 кобелей (из, соответственно, 100 и 33 имевшихся). Для обозначения этих собак впоследствии использовалась аббревиатура УПГ – украинская породная группа.

Разведение немецких овчарок на Украине возглавили судьи Всесоюзной категории Е.Я. Степанов и Е.Н. Орловская. Все украинское поголовье было разделено ими на две

группы – не имеющих крипторхов в происхождении (группа А, включившая в себя УПГ и собак иностранного происхождения) и собак – потомков крипторхов (группа Б). Обе группы подлежали разведению «в себе»: А – централизованному племенному, Б – децентрализованному пользовательному (исключительно для нужд армии и народного хозяйства). Постепенно собаки группы А должны были вытеснить все поголовье группы Б.

Результат разведения овчарок со здоровой наследственностью не замедлил сказаться. Уже второе

поколение потомков собак группы А соответствовало международному стандарту. Конечно, на собаководов, привыкших к трамваеподобным белесым «восточникам» с гусиной осанкой и медлительными движениями, вид сравнительно небольших и головастых, широкоплечих, ярко окрашенных и темпераментных овчарок производил в первый раз даже шокирующее впечатление. В «немцах» не находили ни аристократического благородства форм, ни величавости и внушительности. «Фи, какие-то кошки, а не овчарки!», – такой приходилось слышать регулярно. Но

кто знал толк в рабочих задатках собак, тот принимал «немцев» сразу. Именно благодаря рабочим качествам немецкие овчарки уверенно и быстро завоевывали уважение и симпатии, где только ни оказывались (см., например, статью М. Рудашевского в журнале «Canis» №1–1990).

Как раз в те годы в ГДР произошел упоминавшийся выше ошибочно форсированный поворот в разведении. В Россию оттуда продавались, в основном, овчарки из медленно прогрессировавших, по части прочности верха и дисплазии тазобедренных суставов, линий. Но

зато они отличались великолепным здоровьем, силой, темпераментом, изумительным поведением. Эти линии в самой ГДР в скором времени были вытеснены более «выставочными» потомками Экса ф.Ридштерн и Пушкасса ф.Хаус Химпель. На Украине же они переживали свой второй расцвет. И если бы централизованное разведение продержалось хотя бы лет десять-пятнадцать, то весьма вероятно, что сейчас мы могли бы гордиться своими овчарками перед кем угодно.

Использовавшиеся
производители и их потомство

нередко отличались такими качествами, которые сегодня могут показаться фантастическими. Начиная с того, что дрессировать этих собак было сплошным наслаждением (они с юного возраста, от молочных зубов, отличались выраженным прилежанием, жаждой к работе, «ели глазами» дрессировщиков и с редкой сообразительностью понимали и делали все, что от них требовалось), и заканчивая страшной физической силой (были собаки, играючи отрывавшие куски резины от «мазовской» шины), они превосходили буквально во всем

собак любой другой породы. Владельцы задиристых псов (безразлично, кавказских овчарок или догов) быстро поняли, что когда на пустырь выводят погулять «немца», лучше отвести своего забияку в сторонку. Прохожие, еще вчера без стеснения отпихивавшие коленкой «восточников» на тротуарах, даже самой воспитанной и спокойной немецкой овчарке старались предупредительно уступить дорогу: слухи о мгновенных расправах над хулиганами распространялись удивительно быстро.

Честно говоря, не все было совершенно в тех немецких овчарках. Так, среди кобелей часто встречались «однолюбы», годами не привыкавшие к новым хозяевам. Или, например, суки в кобелином типе, с проблемами течек и щенности – обратная сторона экстремальной мужественности – были не такой уж редкостью. Но значительная большая часть поголовья обладала исключительно здоровой конституцией. Многим ли сейчас будет понятно, каких овчарок тогда с пиететом называли «саблезубыми»? У которых при закрытой пасти из-под губы торчали кончики верхних

кlyкoв. Вoсxищeнный вздoх
сoпpoвoждaл нa «Днeпpoвскoм»
сeминaрe дeмoнcтpaцию cлaйдa,
зaпeчaтлeвшeгo пoкaз зубoв Гундo
ф.Хaус Крюгeр: eгo клык, тoлщинoй
и длинoй нe уступaвший двум
фaлaнгaм бoльшoгo пaльцa хoзяйки,
свoим видoм пpoизвoдил
oшeлoмляющee впeчaтлeниe.

Тeм coбaкaм чaстo нe хвaтaлo
пpoчнoсти вeрxа и длины гoлeни.
Oднaкo и пpи тaкиx кoнcтpуктивныx
нeдocтaткaх oни мoгли бeжaть бeз
устaли чaсaми, ужe тoлькo зa cчeт
oднoй oтличнoй вынocливocти
oргaнизмa. Нo oтдeльныe oсoби

обладали просто превосходным телосложением.

Впоследствии этот богатейший потенциал с уже оформлявшимися линиями и семействами остался не востребуемым, его отвергли ради новой моды.

Позиция, занимаемая Степановым и Орловской, была проста и открыта. С украинским поголовьем они работали официально: по приглашению ЦК ДОСААФ СССР и разрешению Всесоюзной Федерации служебного собаководства, выполняли поручение украинской федерации по

воссозданию популяции наследственно здоровых немецких овчарок. При этом они соблюдали положения и инструкции, общие для всей системы служебного собаководства ДОСААФ СССР. Первоочередной задачей считали численное увеличение наследственно полноценного и генеалогически разнородного поголовья НО, планомерное распределение получаемого потомства по клубам Украины и, вместе с этим, постепенный охват централизованным планированием племенной работы всех украинских клубов. Далее намечалось ввести

специальное тестирование собак на предмет пригодности для разведения по качествам характера, статистический учет данных по наследственности производителей и т.п.

Федерация служебного собаководства Украины подчинялась республиканскому ЦК ДОСААФ и потому могла проводить до известной степени независимую политику в отношении разведения. И можно было надеяться, что центральные органы собаководства ДОСААФ СССР отнесутся к «эксперименту» в масштабах одной республики достаточно лояльно.

Более того, вполне вероятным представлялось, что при благоприятном стечении обстоятельств ЦК ДОСААФ СССР мог дать прямые директивные указания по проведению аналогичной работы с породой в клубах всего Советского Союза.

Будучи приверженцами централизации по-досаафовски, то есть административно-командной системы управления собаководством, Степанов и Орловская работали внутри и по правилам этой системы, но против ее ошибок. Однако же, если ошибки являются следствием органических пороков системы, не

наивно ли надеяться, что система сама поддержит борьбу против себя. Наверняка она, рано или поздно, ополчится против нарушителей своего спокойствия. Известно, что никакая успешная реформа не может затронуть лишь один уровень сложившейся структуры или системы, но требует, пусть незначительного, но общего ее реформирования, значит, грозит положению каждого из ее «винтиков». И естественная защитная реакция системы, направленная на поддержание стабильности существования системы, подразумевает отражение

всяких попыток внести даже частичные перемены.

Стало быть, противник был определен неверно. Степанов и Орловская боролись против ошибок системы, а им противостояла сама система. Но об этом чуть позже.

Вслед за Украиной немецкая овчарка начала свое победоносное шествие по всему Союзу. Сначала отдельные любители, а за ними один за другим российские клубы служебного собаководства старались раздобыть щенков этой породы и отказывались подчиняться директивным указаниям

Центрального клуба Всесоюзной Федерации. Днепропетровск и Казань, средоточия разведения НО, стали центрами притяжения для всех пылких ее поклонников. Незабываемым ореолом романтики окутаны слова «Днепр» и «Волго-Донской регион» в памяти тех, кто в те годы выступил против, казалось, всемогущего в служебном собаководстве клана функционеров ДОСААФ. В России разведение немецкой овчарки развернулось в эпопею борьбы с чиновным устройством служебного собаководства, с засильем косности и невежества, в нем царивших. Это

было для нас не просто собаководством, а образом жизни, потребностью души, символом личной свободы от диктата авторитарной системы.

Иерархическая клубная структура распадалась, мощь ДОСААФ постепенно таяла. Но эти процессы, одновременно, косвенно ударили по работе Орловской и Степанова, послужили существеннейшей причиной для атаки на них, последовавшей со стороны Всесоюзной Федерации.

Хотя многие российские клубы, занявшиеся разведением НО,

поддерживали деловые контакты с клубами Украины, пользовались помощью Степанова и Орловской в организации племенной работы, то есть в некоторой степени были причастны к решению общей задачи по созданию генеалогически структурированной популяции немецких овчарок, еще большее их число не стремилось к скорейшей централизации и отнюдь не желало жертвовать завоеванной самостоятельностью даже во благо породы. К тому же Орловская и Степанов вовсе не спешили расширить свою украинскую «епархию» за счет российских

клубов; они, повторюсь, строго придерживались правил, принятых в ДОСААФ, которыми им отводились определенные рамки деятельности – границы Украины.

Мощным дезорганизирующим фактором для российских клубов на тот момент оказалась нарождающаяся коммерциализация разведения – стремление к быстрой наживе (хотя чаще – к быстрой окупаемости недешево обошедшихся собак) все большего числа владельцев племенных овчарок, обычно – импортных кобелей. Когда из-за ограниченности в стоимости щенков и вязок, традиционно

налагавшихся местными клубами, когда по причине отсутствия, по мнению владельцев кобелей, подходящего маточного поголовья, а когда из-за плохих личных отношений, нередко владельцы отказывались использовать собственных производителей в разведении «своего» территориального клуба. Другие клубы, заинтересованные в скорейшем приобретении щенков или приоритетном использовании кобеля, охотно предоставляли свою «крышу» для оформления «левых» вязок. По различным мотивам включались в разведение и собаки,

отвергнутые от племенной деятельности Степановым и Орловской. При этом «разведенцы» порой пренебрегали не только перспективами развития поголовья, но и, что особенно опасно, существенными недостатками поведения. В частности, далеко идущие отрицательные последствия имело широко практиковавшееся использование в разведении недрессированных собак, а равно собак с «липовыми» дипломами.

При таких обстоятельствах не могло быть и речи о целенаправленном создании генеалогических структур

популяции. Стихийное начало брало верх над организованным процессом. Обуздать коммерциализацию, канализировать другие опасные тенденции можно было только изменив саму систему регулирования разведения. Реальным был один вариант: заимствовать организационные принципы собаководства в ГДР. Брать там не только собак, но и методы работы с ними. Когда бы центральной фигурой в собаководстве стал квалифицированный заводчик, клубная система разведения отжила бы свое, ее можно было бы реорганизовать и создать новый,

работоспособный центр. Следовало изменить правила допуска в разведение, ввести испытания пригодности и отбора, аналогичные ЦТП и «Керунгу». Такие мероприятия вполне возможно проводить централизованно, наравне с главными выставками. С их помощью можно безоговорочно отсеивать собак, фенотипически непригодных, а это стало бы лучшей агитацией за разведение только абсолютно хороших, «пригодных» и «отборных» овчарок. И централизованный план разведения в итоге можно было бы заменить дающими право выбора

рекомендациями по подбору и запретом опасных сочетаний.

Но на Украине реорганизовывать существовавшую систему никто бы не стал, она абсолютно устраивала Степанова с Орловской, а в России если кто и мог, то не решался.

Существовали и другие проблемы, например, касающиеся дрессировки. Обучить немецкую овчарку приемам ОКД и ЗКС было делом нетрудным, кроме разве что дурацкой выдумки — «перехвата». (Имея врожденное качество прочной хватки, «немец», как правило, не разжимая челюстей, терзал

схваченный рукав дрессхалата и не обращал внимания на замах фигуранта другой рукой. Это качество, ценное как свидетельство стойкости характера, нещадно штрафовалось на испытаниях по ЗКС и соревнованиях по летнему многоборью.) Чтобы доказать подлинные преимущества НО в работе и четко выявлять недостатки поведения, требовалось изменить нормативы, постепенно ввести вместо ОКД и ЗКС испытания, аналогичные немецким. Но и на это никто не решался ни на Украине, ни в России — изменение нормативов испытаний, таким образом,

оставалось никем не оспариваемой прерогативой Всесоюзной Федерации.

А бывало еще и так. Владелец собаки, смелой и послушной, по каким-то личным соображениям отказывался представить ее на испытания. И гордо заявлял: «Я и так собакой доволен, а хотите ее вязать — вяжите без диплома, или пишите — диплом первой степени». Что делать, во многих клубах именно так и поступали. И вместе с тем, также не испытывали, но вязали некоторых овчарок с плохим поведением. В конце концов, запись «ОКД-I, ЗКС-I» стала пустой формальностью и в

расчет почти никем не принималась. Это способствовало ослаблению внимания к рабочим качествам, что в дальнейшем обернулось существенными потерями.

Серьезный ущерб развитию поголовья принесло то, что во многих клубах руководители разведения стали улучшать восточноевропейских овчарок «чистыми немцами». Получавшееся гетерозисное потомство первых генераций отличалось мощью сложения и, в массе, хорошими рабочими качествами. Этих собак охотно закупали для службы. Конечно, замкнув их разведение «в

себе», нельзя было ожидать сохранения полученных качеств, поскольку крипторхическая наследственность вскоре неминуемо бы себя проявила и поголовье опять скатилось до прежнего уровня ВЕО (что позднее и случилось в ряде клубов). Поэтому «полукровок» из поколения в поколение перекрывали кобелями-»немцами». В результате сгладилась ранее четко обозначенная граница между немецкой и восточноевропейской овчарками, что вводило в заблуждение многих собаководов – ведь ряд «полукровок» по всем фенотипическим параметрам определенно

превосходил худшую часть «чистых» немецких овчарок. Быстрое увеличение количества «полукровок» сильно сдерживало рост численности «чистой» НО, а это, в свою очередь, со временем способствовало сужению кровной базы последней и утрате ценных «рабочих» линий.

Увы, с этим связан один из очевидных просчетов Е.Я. Степанова и Е.Н. Орловской. Они не хотели признавать восточноевропейскую овчарку отдельной породой (и, конечно, имели на то полное основание), хотя этот тактический ход напрашивался сам собой. Более

того, он не один раз был подсказан как союзниками, так и противниками – его надо было лишь услышать – и также имел не меньшие формальные обоснования. Используя его, т.е., например, отдельно проводя экспертизу на выставках, можно было затормозить процесс получения «полукровок», прямо называя их метисами и, вследствие этого, отказывая им в выставочной оценке и племенном использовании. «Чистые» НО и «чистые» ВЕО получали бы свои оценки в соответствии с собственными стандартами и подлежали бы разведению «в себе», как того, в

общем-то, и хотели основатели украинского разведения немецких овчарок. Тогда агония «восточников» не затянулась бы до наших дней. Они бы потихоньку вымерли, оставшись в нашей памяти примером волюнтаризма и зоотехнической безграмотности тех, кто их «вывел».

Степанов и Орловская не только не сделали этого шага, но и сами допускали случаи использования кобелей НО на суках-»восточницах» для улучшения пользовательных характеристик собак группы Б, чем, фактически, провоцировали процесс получения «полукровок» в клубах России. Согласно их

принципиальной позиции, «полукровки», как мало в них не оставалось бы крови ВЕО, все равно несли крипторхическую наследственность и относились к группе Б, то есть считались «восточниками». Но для тех российских клубов, где симпатизировали немецкой овчарке, однако боялись гнева центральных структур ДОСААФ, путь поглотительного скрещивания (не озадачиваясь прогнозом дальнейшей судьбы поголовья) был сиюминутно выгодным компромиссом: можно разводить собак с хорошими фенотипическими качествами и

считать их «восточниками» — ведь Орловская и Степанов тоже так считают — и в силу этого не иметь принципиальных разногласий и поддерживать бесконфликтные отношения со Всесоюзной Федерацией.

Другой аспект этой же проблемы — нарастающее внутри клубов и между ними противостояние владельцев ВЕО и сторонников немецкой овчарки. Считая этих собак разными породами, можно было перевести конфликт в область конкурентных отношений, что, безусловно, закончилось бы абсолютной победой НО и ее

любителей. Но прямое противопоставление немецкой и восточноевропейской овчарок в рамках одной породы, затрагивая личностный фактор владельцев, так свойственный нашему собаководству и так много значащий в нем, порождало массовое недовольство владельцев ВЕО, а это, при их многократном численном преимуществе, то и дело перерастало где в коллективные жалобы на «произвол» Степанова, Орловской и их последователей, а где и в открытую травлю «немчатников».

Что ж, следовало учитывать: проведение хирургических операций

без наркоза чревато смертью пациента от болевого шока и, всяко-разно, не вызывает у него чувства симпатии к врачу, какими бы добрыми побуждениями тот ни руководствовался.

Ввиду реальной опасности своему благополучию, Всесоюзная Федерация и Центральный клуб служебного собаководства в скором времени обрушили шквал репрессий на «немчатников», избрав лучшим способом защиты нападение. И ловко обернули упомянутые просчеты в свою пользу. Первым делом, последовательно трансформировали наименование

«восточников». Из фактически заявленной как новая порода «восточноевропейской овчарки» сначала получилась «немецкая (восточноевропейская) овчарка», а затем «немецкая овчарка восточноевропейского типа». Эта казуистика обманула многих недотеп и также в немалой степени подтолкнула клубы к разведению «полукровок». Правда, поначалу не только разведение «чистокровных» немецких овчарок, но и улучшение ими ВЕО отнюдь не поощрялось функционерами ДОСААФ всех уровней, пока в получении «полукровок» они не распознали

очевидный вариант стратегии своего спасения. «Грешных» разведенцев, дерзавших использовать в племенной работе «немчуру», обвиняли, за неимением лучших аргументов, в отсутствии патриотизма, пресмыкательстве перед Западом и прочем, тому подобном, вплоть до ... пособничества фашистам!

Образчиком высочайшего мастерства в демагогическом манипулировании фактами может служить доклад председателя племенной комиссии Федерации служебного собаководства СССР тов. Поповой Л.К. Вот как она прокомментировала

принципиальную позицию Е.Я. Степанова и Е.Н. Орловской.

«В группу «Б» /они предложили/ отнести все основное наше поголовье, якобы, пораженное «геном крипторхизма», и с этой группой вести работу по размножению с целью передачи получаемых собак в армию и народное хозяйство, т.е. практически предлагалось снабжать армию собаками, у которых в связи с поражением «геном крипторхизма» есть серьезные пороки, в том числе и в поведении.

Намечалось, что постепенно группа «А» должна вытеснить группу «Б».

Призывая к борьбе с «геном крипторхизма», на самом деле данные товарищи начали борьбу за уничтожение целой популяции, сложившейся в результате влияния отечественных условий и требований к породе. Подписав свои доклады, тт. Степанов Е.Я. и Орловская Е.Н. зачеркнули всю историю работы с породой в Советском Союзе, в которой они сами принимали немалое участие. Кроме того, они перечеркнули труд многих государственных питомников, а

также селекционеров, отдавших служебному собаководству большую часть жизни...

При разделении поголовья на группы, как и следовало ожидать, группа «А» оказалась малочисленной и не отвечающей требованиям отечественного стандарта. Собаки данной группы поставлены в исключительные условия: им отдается предпочтение на выставках, и, получая завышенные оценки, они занимают первые места в рингах. Для продажи щенков от собак группы «А» установлены завышенные цены, что породило спекуляцию и нездоровый ажиотаж вокруг этого

поголовья. Здесь же нашли свое место и дельцы, которые продают и платят за этих собак колоссальные суммы...

Нас познакомили с учетными карточками на собак группы «Б» – лучших представителей породы, имеющих в прошлом отличные оценки за экстерьер и служебные качества. Имея карточки, обработанные т. Орловской Е.Н., с резолюцией «не вязать», руководство клубов избавилось таким образом от большей и лучшей части племенного поголовья.

Клубы потеряли не только большую часть актива, но и рядовых членов клуба, которые остались верны отечественному поголовью и отстранились от работы, т.к. их участие в мероприятиях клубов стало бессмысленным...

— Большую опасность представляет разведение собак, имеющих рост на нижнем пределе отечественного стандарта, а зачастую и меньше. При таком однообразии порода не может прогрессировать...

— Сторонники разведения собак группы «А» очень часто подчеркивают преимущество

завезенных из-за рубежа
производителей в отношении
способностей к дрессировке. С этим
трудно согласиться. Все мы знаем,
что для проявления рабочих качеств
необходимо поставить на должную
высоту работу по подготовке
дрессировщиков и собак, но следует
отметить, что этому вопросу
уделяется недостаточное внимание
как во многих клубах страны, так и
на Украине в частности... Таким
образом, и данное положительное
свойство, приписываемое
завезенным из-за рубежа
производителям, при отсутствии

качественной работы с ними можно поставить под сомнение».

Как все это назвать? Бесстыдный жонгльж фактами и безбожная демагогия. Но насколько умело они использованы! «Оцените красоту игры», господа читатели.

А вот к каким выводам, основываясь на приведенных обвинениях, пришла комиссия Федерации. Читаем далее в докладе Поповой.

«1. Изданные доклады / Орловской и Степанова/ и решение по ним, будучи распространенным

по многим клубам страны, нанесли большой вред собаководству не только на Украине, но и по Союзу, и создали нездоровую обстановку во многих клубах страны, которая выражается в трате сил на борьбу между сторонниками одного и другого течения.

2. Огромный вред нанесен делу воспитания молодежи в духе советского патриотизма, чему способствовало очернение не только качества отечественного поголовья, но и всей общественности, принимающей участие в многолетней племенной работе, а

также ажиотаж вокруг собак группы «А» и спекуляции ими.

3. Клубы Украины потеряли большое количество актива и членов клуба в связи с порочащими обвинениями собак группы «Б».

4. Систематически нарушается Положение о племенной работе, утвержденное ЦК ДОСААФ СССР, что выражается в использовании производителей, не имеющих оценок за экстерьер и дрессировку, а также собак с отклонениями в строении зубной системы. /Не имел оценки экстерьера и диплома по дрессировке один-единственный

кобель – импортированный из ФРГ Маркус ф.Зандеснебен (вл. Ойстрах), допущенный к племенному использованию специальным решением, ввиду особой ценности его происхождения. Маркус оказался хорошим производителем. Что же касается отклонений в строении зубной системы, то оба приведенных в содокладе Ф.М. Лужкова примеры присуждения собакам с неправильным прикусом оценки «отлично», учитывая предвзятость комиссии, более чем сомнительны. — А.В./

5. При судействах на выставках нарушаются правила проведения

экспертизы и присуждения оценок, а также требования отечественного стандарта. Собакам, не отвечающим требованиям нашего стандарта, присуждаются завышенные оценки.

6. В клубах Украины отсутствует зоотехнический учет и подготовка кадров специалистов для ведения нормальной селекционной работы».

Не нужно особого умения читать между строк, чтобы понять, чего на самом деле добивались господа функционеры. И добились. Материалы этого и других докладов («Информационные материалы. О заседании Президиума Федерации

служебного собаководства СССР от 25 ноября 1977 г.», М.; 1977) дали Президиуму Федерации формальные основания для принятия следующего постановления:

«1. Обязать Федерацию служебного собаководства УССР:

а) коренным образом перестроить племенную работу с немецкой (восточноевропейской) овчаркой и вести ее в соответствии с принятыми в СССР стандартами собак и существующими Положениями о племенной работе;

б) укрепить племенную комиссию Федерации УССР и клубы служебного собаководства хорошо подготовленными специалистами-разведенцами;

в) отменить указание об использовании брошюры с докладами тт. Степанова Е.Я. и Орловской Е.Н. «О состоянии породы собак немецкая овчарка в клубах ДОССАФ УССР и перспективах дальнейшей работы с ней», разъяснив при этом клубам о ее ошибках и неправильных указаниях;

г) оказать клубам служебного собаководства УССР практическую помощь в организации племенной работы на местах;

д) потребовать от судей правильно и принципиально проводить экспертизу служебных собак в точном соответствии с утвержденными стандартами;

е) провести аттестацию судейского состава, отстранив от участия в экспертизе всех слабо подготовленных и непринципиальных судей;

ж) организовать подготовку и переподготовку судейского состава;

з) отстранить от племенной работы тт. Степанова Е.Я. и Орловскую Е.Н., деятельность которых оценена Президиумом Федерации служебного собаководства СССР как неправильная...

3. За грубые нарушения ст.3 «Положения о судьях и судейских коллегиях по военно-техническим видам спорта в организациях ДОСААФ», выразившиеся в систематических умышленных нарушениях стандарта породы

немецкая (восточноевропейская) овчарка, и «Инструкции по методике и технике экспертизы служебных собак», утвержденных ЦК ДОСААФ СССР, чем нанесен большой ущерб служебному собаководству в СССР:

а) лишить гг. Степанова Е.Я. и Орловскую Е.Н. судейского звания;

б) запретить гг. Степанову Е.Я. и Орловской Е.Н. любую деятельность в племенной работе и в судействе во всех клубах служебного собаководства ДОСААФ без согласования с Федерацией служебного собаководства СССР и ЦК ДОСААФ СССР».

В лучших традициях того времени постановление было принято единогласно.

Что же Орловская и Степанов? Они оказались не готовыми к такому обороту дел. Они ждали сопротивления Федерации, если так можно выразиться, в области идейной, где научно обоснованные аргументы являются единственно верным оружием. А получилось: «Он хочет переспорить пистолет. Такой большой, а как дитя. Интеллигент!» И, будучи законопослушными гражданами, Евгений Яковлевич и Елена Николаевна подчинились силе. Оставили собаководство.

Объективно говоря, даже в то «застойное» время возможность выбора имелась. И был шанс на победу. Открытый отказ признавать вышеприведенное постановление нашел бы самую горячую поддержку у массы «немчатников», которые долго еще продолжали надеяться, что не сегодня-завтра «шефы» выйдут из тени и тогда вокруг них консолидируются разрозненные российские клубы и уже покажут паршивому ДОСААФу, где раки зимуют. Даже не создавая официально новой общественной организации, а координируя работу любителей НО, что называется, «из

подполья», можно было постепенно, и все же достаточно быстро перетянуть значительную часть клубов России на свою сторону и оставить Федерацию «королем без королевства». Но, не признавая другого способа управления процессами собаководства, кроме привычной схемы административно-командного руководства, Е.Я. Степанов и Е.Н. Орловская не могли решиться на разрушение структуры служебного собаководства ДОССАФ, а в «партизанской войне на выживание», которую приходилось вести «немчатникам» России, им виделось, прежде всего,

деструктивное начало, которого они не могли одобрить ни под каким видом.

После выхода постановления для любителей немецкой овчарки настали самые трудные времена. Если на Украине они уже имели определенный перевес в силах и справиться с ними союзной Федерации было совсем не просто, то на матушке Руси их обкладывали как волков, со всех сторон. Те, в большинстве своем небольшие клубы, в которых «немчатники» до этого успели захватить лидирующие позиции, подвергались непрерывному давлению,

всевозможным ограничениям и
запретам, проверкам и ревизиям.
Обкомы и областные клубы
ДОСААФ напускали на них и
ОБХСС, и прокуратуру. Но где там
было тяжелодумному и
неповоротливому ДОСААФу,
возглавлявшемуся весьма
недалекими (за крайне редким
исключением) начальникам,
раздавить идею, все более и более
овладевавшую массами, а значит —
как нас учили в школе —
становившуюся силой. Немецкая
овчарка в ту пору привлекала к себе
самых талантливых, честных,
стойких и предприимчивых

собаководов, прежде всего из молодежи, которой не слишком был введом страх перед тоталитарно-бюрократическими машинами. «Немчатники» были свежее и грамотнее, учились на ходу не только кинологии, но и быстро перенимали у противника методы крючкотворства, закулисных интриг и подковерных схваток. Не такой уж трудной оказалась наука бить врага его же оружием. И ответные выпады куда чаще достигали цели: у начальства из областных клубов рыльце-то бывало еще в каком пушку!

Там, где немецким овчаркам не давали хода в «чистое» разведение через клубы ДОСААФ, придумывались самые разные хитрые маневры: создавались клубы и кружки юных собаководов, общества при спортивных и культурно-просветительских организациях, питомниках. Всесоюзная Федерация не успевала запрещать новые формы организации племенной работы с породой. «Живучесть» и приспособляемость «немчатников» поражали воображение. Запретят им разведение в КЮСах – вяжут собак через клуб другой области. На это

потребуют, чтобы членами клуба были только жители данной территории – уже оформлена, якобы, аренда или фиктивная продажа собаки. И все это сопровождалось непрерывным потоком жалоб во все, какие только можно, инстанции на произвол ДОСААФ, пока у властей не лопалось терпение. Вердикт «вы – общественные организации, сами разбирайтесь друг с другом» был равносильным признанию самостоятельности и независимости. Хотя этим противостояние не заканчивалось, но игра, что называется, шла уже в одни ворота.

Федерация и Центральный клуб еще дважды пытались вернуть себе утраченную монополию на власть, используя довольно незатейливый трюк. Объявляли о введении единой формы родословной карточки о непризнании любых других в системе ДОСААФ. Если в первый раз этот фокус вызвал смятение, а кое-где и легкую панику (как же быть, на выставки не допустят, щенков покупать не станут!), то к повторному его применению отношение на местах было почти насмешливое — иммунитет легко выработался. Ведь вся централизация выдачи племенной документации «а

ля ДОСААФ» велась к напечатанию новых бланков и рассылке их по сохранившим верность «центру» областным и краевым клубам. Осилить большее Центральный клуб был не в состоянии. Но там, где есть распределение, обязательно есть и утечка. С тех пор на Птичьем рынке к обычному ассортименту добавился специфический товар – бланки родословных. В общем, это начинание было успешно дискредитировано. Обходные пути, как всегда, отыскиались. «Верхи» опять не смогли, а «низы» приспособились.

Согласно естественным закономерностям общественного развития, чем скорее развиваются центробежные процессы, тем более усиливаются тенденции центростремительные. Это вызвано тем, что у слишком быстро обособившихся составных частей бывшего единого целого гораздо больше общих проблем, чем различий. И для того, чтобы поддерживать свое существование на прежнем уровне, им приходится взаимодействовать. Настоящий необратимый распад системы назревает долго и для него характерно постепенное нарастание

противоречий на всех уровнях. В данном случае, вполне понятно, клубы «немчатников» нуждались в своем новом центре, но таком, который смог бы сплотить их общие усилия, не отнимая в то же время их самостоятельности в работе с поголовьем. В России таковым могло стать складывавшееся объединение клубов Волго-Донского региона, тон в котором задавал Татарский республиканский клуб. На Украине центром кристаллизации традиционно был Днепропетровск.

После ухода из собаководства Степанова и Орловской на роль новых лидеров в среде любителей

немецкой овчарки выдвинулись люди, пользовавшиеся известностью как ученики и последователи Евгения Яковлевича и Елены Николаевны. Однако же, безоговорочным авторитетом новые «вожди» не обладали. Значит, авторитетной должна была быть идея, которую они могли выдвинуть. И такая идея – крайне соблазнительная – легко нашлась. Концепция ее, практически осуществлявшаяся где-то с 1979 по 1985 гг. представляла собой примерно следующее:

– Единственный ориентир для нас – НО современных линий ГДР.

– Догнать ГДР мы сможем лет через «дцать», если только не будем использовать многих пригодных для разведения кобелей, но, устроив им отсев той же интенсивности, что и в Германии, станем отбирать из сотни пригодных одного «головного». И вязать почти исключительно «головных» производителей. (Стоит ли задумываться над тем, что у нас отсутствуют аналогичные немецким предварительные стадии селекции – оценка пометов, оценка молодняка, обязательная дрессировка, испытания на пригодность для разведения, «кёрунг» – и нет статистической оценки качества

потомства. И весь наш выбор «головных» кобелей заключается в оценке происхождения и выставочном успехе.)

– Из Германии к нам и так идет не тот по происхождению племенной материал, что ценится на выставках в ГДР. Значит, немцы поставляют почти брак, заведомо бесперспективных собак. Пройдя же через третьи страны (Польшу, Бельгию и т.д.), к нам приходит брак из брака. Посему следует отвергнуть использование кобелей, завезенных не напрямую с родины породы, а из их потомства вязать только сук.

— А чем, спрашивается, УПГ лучше чешско-польско-бельгийских «немцев», если у нас они выведены через брак в десятой степени? Долой «упэгэшек»! Использовать только сук. (И что с того, что в любом виде животноводства генеалогическое разнообразие поголовья предпочтительно, что именно различиями определяется возможность эволюционного прогресса.)

— В Германии, получая «головных» собак, почти не обходятся без инбридинга. А наши «шефы» (так частенько называли Орловскую и Степанова) избегали

инбридинга, как могли. Что ж, долой политику «шефов»! Инбридинг, инбридинг, инбридинг! (А сколько собаководы ГДР потеряли в своих овчарках из-за узкой кровной базы, кто знает?)

Да-да, история была еще та. Р-революционный держите шаг! Мы пойдем другим путем! И с нами Поливанов, с нами Гена Северин... А дедушка Крылов, между прочим, говаривал:

*«Как в людях многие имеют
слабость ту же,
Все кажется в других ошибкой
нам;*

*А примешься за дело сам,
Так напроказишь вдвое хуже.»*

Ну мы и напроказили. Азартные, но слепые щенки, мы вляпались в эту белиберду по самые уши. Трудно было в нее не поверить: вот каталоги выставок, вот анализы родословных, вот статьи в «Дер Хунд'е». Изучение здания немецкого собаководства мы начали с черепицы на крыше и покраски стен. Когда же добрались до устройства фундамента, было уже поздно. Собачий-то век короток. А что касается просчетов Вернера Дальма (он руководил разведением НО в ГДР после Г. Хирша), да разве мы смели об этом помыслить? На

гэдээровское разведение мы смотрели сквозь розовые очки. И, разумеется, даже не скопировали тамошних ошибок. У нас получилась, скорее, жуткая карикатура на эти ошибки.

Так начался «новый этап работы с породой». Начался не с отбора овчарок по работопригодности и не с испытания качеств характера или изучения наследственности рекомендованных для широкого использования производителей, а с массовой пропаганды престижности выставочных успехов. Мода враз двумя ногами влезла в наше разведение НО и словно на

дрожжах стала расти, быстро вытесняя здоровые принципы, ради которых, собственно, эта каша и была заварена.

За каких-нибудь пять лет мы потеряли лучшую, ценнейшую часть племенного материала. В этом траурном списке те же УПГ, представлявшие Степанову и Орловской счастливой возможностью избежать вынужденной инбридизации и имевшие наследственность куда как чистую, сравнительно с очень многими импортными производителями. И потомки Ксеру дю Буа де Фонтенель, передававшего

исключительные рабочие качества и железное здоровье через любые сочетания на две-три генерации вперед. Почти бесследно растворился богатейший набор производителей линии XIII А, одно происхождение которых было гарантией высочайшей пользовательной пригодности. Перечислять можно, увы, долго. Все это поначалу «ушло в матки», а сейчас... Сейчас клички этих собак можно встретить разве что в родословных «полукровья». Всё-то мы профукали. И ради чего?

Единственным достижением от использования производителей из

НОВЫХ восточногерманских «модных» линий стало определенное улучшение строения опорно-двигательного аппарата, и в первую очередь — верха. Зато вместе с прочным верхом их потомство — а вскоре это было почти все наше поголовье — обрело массу отрицательных свойств. Вслед за поздним физическим формированием (с чем, конечно, смириться было нетрудно) массово проявились и все заметнее усиливались инфантильные черты характера. Если прежде овчарка на первом году жизни, а то и сразу после смены зубов уже чувствовала

себя взрослым бойцом, полноправным членом семейной «стаи» и защитником хозяина, то тут щенячье поведение могло запросто растянуться лет до двух, а то и на всю жизнь. Причем крайне неприятной особенностью оказалась болезненная чувствительность к воздействию со стороны хозяина, когда даже храбрая и стойкая в схватке с противником собака при первом подозрении на гнев «вожака» моментально «гасла» и впадала в угнетенное состояние. Дрессировать таких было противно до тошноты. За этими поведенческими признаками абсолютно не проглядывалось

истинной овчарочьей сути. Но имелось однозначное сходство с характерами волко-собачьих гибридов. Впрочем, кто-кто, а экзальтированные девицы, которые вместе с натиском моды переполнили клубы «немчатников» и к тому времени составили, ввиду своего численного превосходства, мощный оплот для проталкивания очередных идейных изысков упомянутых «вождей», так вот, эти девицы считали «волчьи» аномалии поведения своих собак за проявления «интеллигентности» и ума. Тогда и началось превращение наших

овчарок из служебных в «спортивных».

К злобности и смелости собак нового поколения поначалу претензий не было, а темперамента хватало через край — уже не редкостью были НО с безудержным желанием двигаться, словно педаль тормоза у них полностью отпущена, а газ выжат до предела. А вот действительный показатель способности шевелить мозгами — умение принимать верные самостоятельные решения, что у охотничьих собак называется мастерством — определенно стремился к нулю. Наряду с ним

таяло главное породное качество — жажда работы. Их освободившееся место все чаще занимали маниакальные формы поведения — общее доминирование половой, пищевой и апортировочной реакций. Между прочим, с чьей-то легкой руки «чокнутость на апортиках» многими считалась даже желательной для рабочей овчарки.

Немного времени понадобилось, чтобы среди победителей крупнейших выставок появились собаки с очень слабыми характерами и даже откровенно трусливые. Мало того, среди них попадались экземпляры совсем не блестящие по

экстерьеру, движениям и выносливости (достаточно вспомнить одного Затана ф.Калькбрух). Чрезвычайно интересно было наблюдать, как на Днепропетровской выставке, где год-другой назад овчарки бегали буквально на измор (и впереди тогда действительно оказывались лучшие «рысаки»), осмотр в движении прекращался, лишь только лидирующая группа выдыхалась и становилось ясно, что еще через пять-десять минут вперед придется переставлять совершенно иных собак. Результаты экспертизы беспардонно определялись по

одному только происхождению собаки.

И, тем не менее, игра в гэдээровское разведение еще продолжалась. Но принимала иногда такие гротескные формы, что хотелось смеяться и плакать одновременно. Например, когда на «Днепре» в 1985 году «проверялось» поведение кобелей-призеров старшего и среднего классов, тест был настолько несерьезным, что впору было требовать выполнения его от колли. Немецкая овчарка, взятая на поводок, должна была отразить нападение фигуранта и вынести легкий удар хлыстом. А

сработали, что называется, полторы собаки. Остальные, среди которых присутствовал широко использовавшиеся и тогда, и впоследствии производители, шарахались от поднятого хлыста, прятались за владельцев... Впечатление неопишемое!

Говорить об организованном разведении работопригодных немецких овчарок после такого уже не приходилось. Закономерный итог культивирования модных извращений. Короче, финиш. Приехали! Как там у Ивана Андреевича:

«Левей, левей – и с возом бух в канаву!

Прощай, хозяйские горшки!»

Ясное дело, что доведя само понятие «немецкая овчарка» до абсурда – а трусливая немецкая овчарка, использующаяся в разведении и возглавляющая выставочные ринги, есть тройне абсурд! – дальше над породой можно было измываться как угодно.

Что ж, новых фокусов долго ждать не пришлось. Попытка «прокатиться на хвосте» разведения ГДР закончилась для «корифеев» – и

они это понимали — полным фиаско. Но открыто признаться в этом для них, полюбивших вкус власти над умами «собаководствующих» масс, означало бы крах репутации, а вместе с тем, понятно, утрату всей сладости почивания на незаслуженных лаврах. Уже знакомые мотивы, не правда ли? Разумеется, меркантильные интересы здесь тоже имели место быть. Нашим неудавшимся теоретикам и практикам Большого Собаководства ничего не оставалось, как выбрать путь человека, прыгающего со льдины на льдину при переправе через весеннюю реку.

Останавливаться нельзя,
поворачивать назад — тем более.
Авось кривая вывезет! Поспешно
меняя ориентиры и раздувая
ажиотаж вокруг каждой новой
«звезды рингов», тут же отбрасывая
все, что ценилось еще вчера, в
мусорную корзину, они баламутили
вконец растерявшихся
«немчатников» и добились-таки
своего. Собаководы, понимавшие
несостоятельность политики
Северина, Поливанова, Ульяновой и
иже с ними, не обладали
адекватными возможностями
влияния на все более расширяющийся
круг неофитов. Тем более, что этот

круг шире и шире охватывал не столько сторонников полноценных служебных собак, то есть действительно любителей породы, сколько торопившихся самоутвердиться приспешников моды и дельцов от собаководства, которым «до лампочки» были все морали и принципы. Потому кто-то из непожелавших смириться с деградацией поголовья замкнулся на работе только в своем клубе, кто-то просто «вышел из игры», а многие приняли эти новые, флюгерные ее правила. Поле брани осталось за модой и «корифеями»,

утвердившимися в легкой роли ее законодателей.

Очень много лет назад некий ан-Наззам сказал: «Когда исчезнут знающие, хороводить будут глупцы. Заблуждаясь сами, они еще потянут за собой всех остальных». Известное дело, с течением времени люди не меняются. Их только сильно испортили, помимо – по Булгакову – квартирного, многие другие вопросы. К сожалению, в свою очередь портимые людьми, изменяются собаки, и – не в лучшую сторону.

С 1985 года «Днепр» неудержимо пустился во все тяжкие.

Разом были забыты хвалебные слова о высочайшем зоотехническом уровне разведения в ГДР. Будто и не было аргументов за приоритет функциональных показателей, за эмпирический путь формирования представлений о совершенном экстерьере, в конце концов, за серый окрас, которые до этого щедро рассыпались в докладах на семинарах, что в Днепропетровске, что в Поволжье. Новая путеводная звезда, по странному стечению обстоятельств, воссияла для нас именно тогда, когда в ГДР качнулись к использованию производителей из западногерманских кровных линий.

Конечно же, этой путеводной звездой стало «выставочное» разведение ФРГ.

Все же исполнить вдруг такой крутой поворот, идя под всеми парусами, «корифеи» немного побаивались. Чтобы любители немецкой овчарки проглотили новую наживку, не разжевав, требовалось подпустить еще дурману. Одним заявлением типа «Канто Арминус – наш идеал» здесь было не обойтись. И потому силами «Днепра» выдвинули идейку о современных, для разных этапов развития породы, конструктивных типах сложения немецкой овчарки. Ей и сейчас

оперируют многие собаководы, говоря о «треугольном» типе гэдээровских и «овальном» или «яйцеобразном» — западногерманских овчарок. Эта некритически воспринятая массами глупость базируется на простом зрительном обмане, возникающем при поверхностном взгляде на профильный силуэт собаки. Доказательство сему элементарнейшее. Стоит снять контур с фотографии, например, того же Канто Арминус или любого другого выставочного чемпиона «овального типа» и проделать с ним некоторые манипуляции (удлиннить,

при той же постановке, задние конечности на половину длины плюсны, сохранив общие пропорции длин сегментов, и, несколько удлинив передние конечности, сместить их чуть вперед, т.е. сделать более острым угол локтевого сустава), как мы получим силуэт ... типичной НО восточногерманских кровей, если уж не абсолютно «треугольного» типа, то сильно к нему приближенной. То есть, разница между силуэтами представителей «овального» и «треугольного» типов, если они оба обладают крепким верхом и нормально развитой грудной

клеткой, заключается в разности и в соотношении длин передних и задних конечностей (смотрите иллюстрации).

К слову сказать, столь очевидный факт как коротконогость собак «выставочных» линий ФРГ дает интересную пищу для размышления. Если вспомнить, что не так давно большинство западногерманских собак были очень крупного (и часто – запредельного по стандарту) роста, что насытивший все и вся своими кровями Фелло цу ден Зибен Фаулен имел 67 см в холке, что культивировавшиеся долгое время овчарки гиеновидного типа

при крупном росте имели короткие задние ноги, то возникает следующая гипотеза. Что, если глубокий корпус этих собак ФРГ есть свидетельство того, что генотипически они отличаются от «гигантов» недавнего прошлого лишь наличием генов (вероятно, рецессивных), обуславливающих коротконогость? Существуют факты, которые иначе объяснить трудно. Во-первых, регулярное появление очень высокорослых — за счет большой длины конечностей — собак от разных сочетаний «чистых» западногерманских кровей. Во-вторых, почти обязательное

получение таких «лошадей» от сведения производителей кровей ФРГ с собаками, происходящими из «чисто гэдээровских» линий.

Ну а теперь, уважаемый читатель, коли у Вас есть экспертная категория, раскрасьте силуэты «под ГДР» в серый цвет и прикиньте, каких оценок Вы бы таких собак удостоили? «Хорьков», как это сейчас принято? И за что? За «несовременный тип», то бишь ... за большую длину рычагов?

Несмотря на столь явную нелепость, идея о «конструктивных преимуществах»

выставочных овчарок ФРГ попала, что называется, «в яблочко». Ей поверили почти все «немчатники» тогдашнего Советского Союза и стали интенсивно использовать в разведении, начиная с Сердогели Олтена, всех подряд венгерских, а затем польских, чешских и, наконец, западногерманских собак, наплевав на мгновенно «устаревших» овчарок ГДР, в которых вскоре перестали бесплодно отыскивать черты «овального типа».

Это была уже катастрофа. Любители породы со стажем, преданные идее разведения немецкой овчарки с высокой

работопригодностью, глядя на подраставший молодняк, полученный от производителей новомодного течения, видели в нем обновленных «восточников», а дельцы и неофиты, объединенные погоней за модой, «прогрессивный этап в работе с поголовьем». Во взаимном непонимании дело дошло до анекдотов. Например, когда в ответ на возмущенные реплики по поводу демонстрировавшихся и «побеждавших» в ринге узкоголовых, «тонкокловых», беднокостных и плоскогрудых животных (дескать, какие из них служебные собаки!), владельцы и поклонники изящных

шавочек вполне убежденно возражали: это не служебная порода, а спортивно-рысистая! И смех, и грех.

Впрочем, то, что это во всяком случае «не служебная порода», в МВД, да и в погранвойсках поняли достаточно скоро. Ныне всё их ведомственное разведение базируется на кровях производителей, завезенных из ГДР и Чехословакии. Хотя эти крови вовсе нельзя назвать «исключительно рабочими», но рядом с теми НО, что используются в любительском разведении, они — золото высокой пробы. Поскольку, попытавшиеся

как-то поработать с современными «эфэргэшниками», милиционеры-кинологи плюются до сих пор. А как не плевать, посудите сами, если эти животные ни для содержания, ни тем более для выращивания в условиях питомника, как правило, непригодны, ввиду хлипкости здоровья. Если злобностью и смелостью, хотя бы в удовлетворительной степени, обладает едва ли десятая их часть. А физическую силу, гарантирующую действительное, а не показушное задержание, а, наряду с силой, стойкость к болевым воздействиям многие ли из них имеют? Нет, весьма

редкие. И зачем патрульному милиционеру таскаться с таким полудохлым довеском, если даже у того вся родословная забита кличками чемпионов?

Однако же, вернемся к последовательности, в которой развивались события.

Окончательно убедившись в бесплодности своих попыток «задавить» самостоятельное разведение НО в клубах России, Всесоюзная Федерация и Центральный клуб стали искать такой компромиссный вариант решения проблемы, при котором они

могли бы удержаться у кормила (и у кормушки) служебного собаководства. Ведь их критическое положение к тому моменту усугубилось появлением новых общественных собаководческих объединений (типа «Фауны»), которые потенциально способны были перетянуть из ДОСААФ – и перетягивали – владельцев не только немецких овчарок, но и собак других пород. И потому начались заигрывания ДОСААФа с «Днепром» и «Волго-Донским регионом», на которые «верхушка» последних охотно откликнулась. Чтобы доказать свою лояльность, ДОСААФ устроил

в 1987 году 1-ю Всероссийскую выставку немецкой (восточноевропейской) овчарки, где — неслыханное дело! — «восточников» затерли на задний план. Вот выдержка из отчета о выставке: «...по происхождению к немецким овчаркам восточноевропейского типа из представленного поголовья относится только 39 собак (31,7%). Все эти собаки прошли или оценку «хорошо» или в конце оценки «очень хорошо».

К этому добавили умопомрачительный вывод: «...действующий в настоящее время

стандарт
(восточноевропейской)
требуется уточнений»!

немецкой
овчарки

Чем не жертва ферзя (то бишь, ВЕО) в попытке выиграть качество? Понятно, отнюдь не качеством поголовья собак был озабочен ДОСААФ, а качеством своих властных позиций. Именно ради последних (читай, ради своих выгод, своих шкурных интересов) функционеры ДОСААФ готовы были пренебречь ранее столь громко ими провозглашенными принципами и идти на союз хоть с чертом, не говоря уже о «проколовшихся» лидерах «немчатников». У этих-то

положение было тоже не слишком надежное, потому им на руку оказались мир и союз с центральными структурами досаафовского собаководства.

В 1987 г. на Днепропетровской выставке почетным гостем был заместитель начальника Центрального клуба А.А. Агафонов (ныне начальник ЦКСС), а еще один сотрудник Центрального клуба И.Л. Швец даже выступила на семинаре. На том самом, где преподнес слушателям свою «биомеханическую модель» Е.Л. Ерусалимский.

Эта «модель» подводила лженаучное и, к тому же, весьма путаное обоснование под «овальный конструктивный тип» и, таким образом, под новое направление разведения. Но так уж получилось, что воспринятая на слух и перегруженная обилием ученой терминологии, она не получила должной критической оценки ни тогда, на семинаре, ни сразу после. И создала своему творцу славу авторитетного специалиста в вопросах биомеханики и кинологии.

Получив столь существенное идейное подкрепление, «корифеи» разведения НО уже совершенно

спокойно отбрасывали как все условности, так и очевидные факты. Только что прошла выставка Волго-Донского региона, на которой в средней, кажется, группе вторым был Змей с Нового Света (вл. Мокрушин), кобель с потрясающей силы ходом. Спрашиваю судью, ныне покойного Ю.В. Никифорова, отчего Змей не первый. Получаю ответ: «Судья должен думать о перспективах разведения. Крови Змея для нас отработаны и дальнейшего интереса не представляют». Понятно, ладно. И вот, буквально через неделю, на выставке в Днепропетровске, Змей оставляется в группе «хорьков»,

которых даже не осматривают на рыси (так, дали пробежаться кружок трусцой и всё). Подхожу к экспертам, спрашиваю почему. Прошу сравнить Змея на ходу с лидерами ринга. Мою просьбу поддерживает присутствовавший в качестве зрителя Никифоров. В ответ следует категорический отказ и не менее категорическая резолюция: с такой лопаткой он не может хорошо бегать! После этого подхожу к Никифорову, грустно восседающему на заборе. Говорю, что не вижу принципиальной разницы в подходе к оценке у него и у днепрян.

Никифоров только расстроено
махнул рукой.

Что ж, мода есть мода. Она
самодостаточна и не нуждается в
практических доказательствах
правоты.

Такой бездоказательный подход
к экспертизе и, само собой
разумеется, к разведению, как нельзя
более устраивал деятелей из
Всесоюзной Федерации и
Центрального клуба служебного
собаководства. (Как, впрочем, и всех
прохиндеев, начетчиков и дельцов с
судейскими билетами в кармане, кои
не знают и не любят работы со

служебными собаками, а стало быть, ничего и не понимают в качествах настоящих овчарок. Зато, нахватавшись верхушек и зазубрив сотню-другую кличек, они с легкостью втирают очки людям, только что прикоснувшимся к собаководству, безрассудно раздают оценки в рингах и лепят победителей, нимало не утруждая себя заботами о будущем поголовья. Стоит ли ждать от них пользы для собаководства? Эпигоны моды, у них другие заботы, они ж этим кормятся. И потому безответственно портят все, к чему только ни прикоснутся.)

Однако в 1987 г. Центральному клубу после «Днепровской» выставки пришлось смущенно утереться: не вписались в поворот, прозевали – мода изменилась! В Перми, на Всероссийской выставке впереди прошли «гэдээровцы», а через два месяца в «Днепре» – «эфэргэшники». Потому Первую Всесоюзную выставку немецких овчарок Центральный клуб проводил уже полностью по образу и подобию Днепропетровской. И судьями на «немцев» пригласили Вербицкого, Северина, Ульянову, Архангельскую, Петрову, Крикливченко, словом, почти полный набор «Законодателей

моды». Потому на этот раз спели в унисон. А экспертиза ВЕО проводилась в отдельных рингах. И это был последний гвоздь, забитый Центральным клубом в крышку гроба «восточников».

Вот что об этом писал в обзоре выставки В.С. Вербицкий, главный судья. «...На данной выставке в ринги ВЕО допускались собаки, которые могли иметь в родословной и более 50% кровей импортированных производителей. ...Попытки улучшить строение корпуса и конечностей у собак путем вязок сук восточноевропейского типа с кобелями, импортированными из-за

рубежа, либо от импортированных родителей, в последнее время стали часты, достаточно большое количество собак, полученных в результате таких вязок, было выставлено в рингах восточноевропейской овчарки. ...Следует отметить, что эти собаки, как правило, имели более крепкую линию верха, лучшие конечности и, соответственно, лучше двигались, что привело к возглавлению такими собаками рингов восточноевропейской овчарки. Можно отметить, что эти собаки относительно лучше прошли и проверку нервной системы...

Видимо, такое разведение, как переходный этап от восточноевропейской овчарки к немецкой, вполне допустимо для больших клубов, ранее занимавшихся разведением только национального типа немецкой овчарки.» Из чего следует: кто хочет заниматься «полукровьем» и «водостоками» — занимайтесь, но Центральный клуб отныне интересуют только «немцы».

Восточноевропейская овчарка все еще не исчезла с лица земли. Хотя, если «чистые» ВЕО где-то и существуют, то лишь в совершенно незначительных количествах. В массе же своей это типичные

полукровные собаки, в родословных которых от одной четверти места до трех и более занимают клички «немцев». И разведением их нынче пробавляются либо люди абсолютно невежественные в биологии, либо фанатики. А для фанатизма, как и для моды, логика нехарактерна, доказательства излишни. На этом тему «восточников» можно считать закрытой. Хотелось бы надеяться. Оговориться нужно потому, что место ВЕО занимают, точнее сказать, уже заняли «выставочные немцы», которые ничуть их не лучше.

Да, ничуть. Ибо процент пригодных для практической работы

собак среди «восточников» в годы их апогея и среди нынешних «выставочных» НО одинаков. А это главный критерий. И нечего оглядываться на имитацию проверки характера, иногда устраиваемую на выставках. В абсолютном большинстве своем «выставочные эфэргэшники» натасканы на хватку за рукав расплодившимися повсюду дрессировщиками «игровой школы». Любое болевое воздействие (не размахивание мухобойкой над спиной собаки, а сильный удар хлыстом) быстро показывает, чего на самом деле стоит такое «задержание». А отдай фигурант

собаке защитный рукав, и мало какая из них не убежит, довольная, с трофеем в зубах. «Тряпичники» почти поголовно. Поэтому в реальных условиях большинство из этих жучек, даже имеющих дипломы по ИПО, задержать нападающего могут только случайно попав ему под ноги. Теоретически не исключено, что последний, запнувшись, расшибет себе лоб и потеряет сознание. А практически? Если на крупных выставках, таких как «Кубок России», в рабочем (!) классе лишь десять-пятнадцать процентов собак нападают на фигуранта агрессивно, то что говорить о массе остальных?

В общем, проверив на любой из выставок всех взрослых собак на задержание с расстояния шестидесяти метров, с хорошим ударом, а затем дав им пробежаться пару часов рысью, можно убедиться, что происхождение, идущее через десятки чемпионов мира, дает им не больше, чем нежеля бы оно шло через соседского тузика. Нечего, господа хорошие, обманывать себя и других, говоря, будто это и есть настоящие овчарки. Нет, «выставочные» НО фактически представляют собой сложившуюся декоративную породу, которую нужно считать таковой и разводить

отдельно от «рабочего» поголовья. Они имеют на это такое же право, как и «восточники».

Любительские объединения собаководов, занимавшиеся разведением немецких овчарок, вели работу с породой не лучше и не хуже, чем ее делал тот же «Днепр» или стали делать клубы ДОСААФ, коими руководил Центральный клуб. То есть, использовали тех же производителей, приглашали тех же судей на выставки, но... были независимыми. Что само по себе, с точки зрения ДОСААФ, во все времена является крайне предосудительным. К тому же

немалое число бывших досаафовских клубов игнорировало руководящие указания «центра», типа спущенного оттуда списка кобелей, которых, якобы, только и можно использовать в племенном разведении. Испробовал Центральный клуб еще раз применить испытанное средство – ввести единый бланк родословной. И тоже без особого успеха. Но «немчатники» заволновались. Ведь на этот раз Центральный клуб действовал, фактически заручившись поддержкой Днепропетровска и Волго-Донского региона. С другой стороны, непрерывно продолжались процессы объединения и

размежевания новых
собаководческих структур. От этой
кутерьмы очень и очень многих
потянуло к упорядоченности. И здесь
замаячил не кто иной, как уже
известный «немчатникам» Е.Л.
Ерусалимский с его идеей создания
триединой (из «охотников»,
«любителей» и «служебников»)
Всесоюзной Кинологической
Федерации. Этот вариант
представлялся удачным
компромиссом: уйти из-под спуда
ДОСААФ и, в то же время,
объединиться. Немалое количество
клубов бросилось в Федерацию
именно на этих основаниях. А

многие привычно пошли туда вслед за М.А. Поливановым. Заплатили взносы, вступили, огляделись. Ан тут как тут, привычную рукою потеревливая бразды, их встречает Центральный клуб. Ай да Мстислав Александрович! Спас Центральный клуб, сдал ему «немчатников» и не за это ли получил тогда пост президента Федерации служебного собаководства? Предательство — тяжелое слово, но: сначала опороченное наследие Степанова и Орловской, затем — похеренная идея разведения немецкой овчарки с высокой работопригодностью, затем — геноцид гэдээровских «немцев» и,

наконец, приведение независимых «немчатников» под руку Центрального клуба... Найдите другое название этой эпопее. Найдите слово, означающее, чем М.А. Поливанов оплатил свою карьеру в собаководстве. И не только он один, но и многие-многие разрядом помельче. Говоря словами поэта, «вы, в сущности, волки, но вы изменили породе!»

Итак, все в отечественном разведении НО вернулось на круги своя. Централизованная система с Центральным клубом во главе. Набор «авторитетов», которых, кроме меркантильных и карьеристских

интересов, к породе ничто более не привязывает. И новые «восточники» (правда, у этих росточек поменьше, а движения получше). Что же дальше? Попробуем спрогнозировать. Если все пойдет своим чередом, то популярность немецких овчарок будет падать все ниже, репутацию защитных собак они потеряют окончательно. Тогда их разведением будут заниматься — для себя — фанатики «красоты», которым нет разницы, разводить собак или кактусы. А дельцы переключатся либо на другую породу, либо, если удастся раздуть новый ажиотаж, начнут завозить овчарок «рабочих»

кровей. Но поскольку организация разведения по клубам прежняя, надо полагать, и эти собаки в скором времени придут к «водосточному» состоянию. Русские — народ забывчивый. Оттого-то история у нас повторяется раз за разом, и каждый новый фарс мерзостнее предыдущего. Доколе на одни и те же грабли наступать будем? Или у нас даже условные рефлексы не вырабатываются?

Что делать, как избежать, как вырваться из этой проклятой цикличности? Выход один. Нужно уже сейчас, параллельно с «декоративным», наладить

грамотное, основательное «рабочее» разведение. Сейчас, пока еще не окончательно перевелись настоящие овчарки. Нужно их собирать и разводить, попутно налаживая дисциплину разведения и создавая надежные механизмы работы с поголовьем. Такая возможность есть. Да, в конечном счете, все наше «рабочее» разведение насыщено будет импортным материалом и, вероятно, крови, с которыми сейчас придется начинать работу, окажутся вытесненными. Но механизм, организация останется. И это послужит гарантией того, что «рабочее» разведение сохранится. И

что не только мы, но и оставшиеся
после нас будут иметь счастье
общаться с настоящими немецкими
овчарками, а не с их жалкими
отражениями, носящими это громкое
название.

1994 год.